

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

СТРАХ

И ОТВРАЩЕНИЕ

ПРЕДВЫБОРНОЙ
ГОНКИ '72

АНФ

Хантер Стоктон Томпсон Страх и отвращение предвыборной гонки – 72

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16897752

Страх и отвращение предвыборной гонки? – 72 / Хантер С. Томпсон:

Альпина нон-фикшн; Москва; 2015

ISBN 978-5-9614-3074-5

Аннотация

В качестве корреспондента журнала Rolling Stone Хантер Томпсон сопровождал кандидатов в президенты 1972 года в ходе их предвыборных кампаний, наблюдая за накалом страстей политической борьбы и ведя «репортаж из самого сердца урагана». В итоге родилась книга, ставшая классикой гонзо-журналистики. С одной стороны, это рассказ о механизмах политической борьбы, а с другой – впечатляющая история самого драматичного периода в современной истории США, в течение которого произошло сразу несколько громких политических убийств: президента Джона Кеннеди, его брата Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. После убийства Кеннеди-младшего, кандидата от Демократической партии на выборах 1968 года, президентом США стал республиканец Ричард Никсон. Следующие выборы должны были показать, победит ли на этот

раз кандидат от прогрессивной части американского общества, выступавшей против войны во Вьетнаме и расовой сегрегации. Ирония, горечь, ярость автора смешиваются на страницах этой книги в коктейль убойной силы.

Содержание

От автора	7
Декабрь 1971-го	19
Январь	49
Февраль	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Хантер Томпсон

Страх и отвращение предвыборной гонки – 72

Переводчики *Алекс Керви, Наталья Нарциссова*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Савина, М. Миловидова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

© Hunter S. Thompson, 1973

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО

«Альпина нон-фикшн», 2015

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя.

теля в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Сэнди, которая выдержала почти год мрачной ссылки в Вашингтоне, округ Колумбия, пока писалась эта книга.

ХСТ

Между идеей и повседневностью... падает тень.
Т. С. Элиот

От автора

Над Сан-Франциско встает рассвет: сейчас 6:09 утра. Я слышу первые автобусы под окном моей гостиницы «Сил Рок Инн», здесь, на дальнем конце Джиари-стрит: это конечная остановка автобусного маршрута и конец всего, западный край Америки. От своего стола я вижу в сером утреннем свете темный зубчатый горб Тюленьих скал, возвышающихся над океаном. Почти всю ночь оттуда доносился лай пары сотен морских львов. Отдыхать в этом месте с открытым окном – то же самое, что жить рядом с собачьим питомником. Вчера вечером у нас в комнате оказался огромный параноидальный пудель, и, когда морские львы начали тявкать, эта тупая скотина совершенно слетела с катушек – скуля и визжа, пес носился по номеру, как курица, услышавшая вой волков за окном, прыгал по кроватям, раскидал по полу гранки моей книги, сбросил трубку с телефона, опрокинул бутылки джина и разметал стопки тщательно подобранных фотографий президентской кампании... Справа от печатной машинки, на полу между кроватями, я вижу фото 8 × 10 Фрэнка Манкевича, орущего что-то в телефон на съезде Демократической партии в Майами. Но этот снимок уже никогда не будет опубликован, потому что проклятый пес проделал своими когтями пять больших дыр прямо в груди Фрэнка.

Эта собака больше не войдет в мою комнату. Ее привел редактор, который часов шесть назад ушел с 13 готовыми главами – результатом 55 часов непрерывного, без еды и сна, сверхскоростного редактирования. Однако иначе было нельзя. Со мной трудно иметь дело, когда речь заходит о сроках. Я приехал в Сан-Франциско, чтобы собрать эту книгу воедино, и они предоставили мне для работы каморку в центре города, в редакции журнала *Rolling Stone*... Но я испытываю непреодолимое отвращение к работе в редакциях, и, после того как я не показывался там в течение трех или четырех дней, руководство решилось на единственно верный шаг: переместило мое рабочее место сюда, в гостиницу «Сил Рок Инн».

Дня три назад они без предупреждения нарисовались у моей двери и загрузили в комнату килограмм 20 припасов: два ящика мексиканского пива, четыре литра джина, дюжину грейпфрутов и такое количество стимуляторов, что их хватило бы, чтобы изменить результаты шести Суперкубков. Также там были большая пишущая машинка «Селектрик», две пачки бумаги, связка дубовых дров и три магнитофона – на случай, если дело дойдет до того, что мне придется надиктовывать текст.

Мы подошли к этой точке где-то на 33-й час, когда у меня наступил писательский ступор и я начал диктовать большие куски книги в микрофон – расхаживая по комнате, привязанный к пятиметровому шнуру, и говоря все, что при-

дет в голову. Когда пленка заканчивалась, редактор вырывал ее из магнитофона и бросал в сумку... И каждые 12 часов или около того приходил курьер, чтобы забрать записанное и отвезти в редакцию, где кто-то – не знаю, кто – расшифровывал запись, перепечатывал ее и отправлял прямо в типографию в Рио.

Это явно удобный способ заканчивать работу, потому что таким образом была написана вся оставшаяся часть книги. С декабря 1971-го по январь 1973-го – в барах аэропортов, ночных кафешках и тоскливых гостиничных номерах по всей стране – в этой нестройной сумбурной саге едва ли есть абзац, который не был бы написан в последнюю минуту, в неистовстве и с зубовным скрежетом. Мне никогда не хватало времени. Каждый срок был критическим. Вокруг меня было полно опытных профессионалов, журналистов, которым приходилось сдавать работу куда чаще, чем мне, но я никогда не мог следовать их примеру. Например, Билл Грейдер из *Washington Post* или Джим Нотон из *New York Times* должны были выдавать на-гора длинные и подробные репортажи *каждый день*, в то время как у меня дедлайн наступал раз в две недели, но ни тот ни другой, казалось, никогда не спешили и еще время от времени утешали меня и сочувствовали, что мне приходится работать под таким давлением.

Любой психоаналитик, получающий 100 долларов в час, мог бы, вероятно, за какие-то 13–14 сеансов разьяснить мне,

в чем моя проблема, но у меня нет на это времени. Без сомнения, с этим глубинным дефектом личности надо что-то делать, хотя, может, проблема в каких-нибудь кровеносных сосудах, ведущих к шишковидной железе... А возможно, это что-то вроде того инстинкта, который заставляет зайца ждать до последней секунды, а потом бросаться через дорогу прямо перед несущимся автомобилем.

Люди, думающие, что что-то понимают в зайцах, скажут вам: ими движут страх, глупость и безумие. Но я провел много времени в заячьем краю и знаю, что большинство из них ведут довольно скучную жизнь. Им просто осточертевает есть, трахаться, спать и время от времени прыгать вокруг кустов... Неудивительно, что некоторых из них вдруг тянет на острые ощущения. Должно быть, они ощущают мощный выброс адреналина, когда сидят, сжавшись в комочек, на обочине дороги и ждут приближения слепящих фар, чтобы в последний момент рвануть из кустов и в доли секунды перемахнуть через дорогу всего в нескольких сантиметрах от несущихся на них колес.

Почему бы и нет? Все, что вызывает выброс адреналина, мощный, как разряд в 440 вольт, полученный в медной ванне, развивает быстроту реакции и очищает сосуды от холестерина... Но перебор с адреналином губителен для нервной системы, как и перебор с электрошоковой терапией для мозга: в конце концов, вы становитесь адреналиновым наркоманом.

Если зайца беспрестанно тянет перебежать дорогу, то это всего лишь вопрос времени, когда его раздавят в лепешку. А когда журналист превращается в наркомана от политики, он рано или поздно начинает нести околесицу и писать что-то невразумительное о том, что только Человек, Который Был Там, может это понять.

Некоторые эпизоды книги не поймет никто, кроме тех, кто принимал во всем этом участие. У политики есть собственный язык, и зачастую он настолько сложен, что больше похож на шифр. Поэтому главный секрет политической журналистики заключается в умении перевести все это на нормальный язык, т. е. придать смысл всей той бредятине, которую будут скидывать вам даже ваши друзья, и при этом не перекрыть себе доступ к информации, благодаря которому вы можете работать. В этом смысле освещение президентской кампании мало чем отличается от освещения деятельности новоизбранного окружного прокурора, который сделал предвыборное обещание «расправиться с организованной преступностью». В обоих случаях вы обретаете неожиданных друзей по обе стороны и, для того чтобы защитить их – и сохранить в качестве источников информации, – должны либо не упоминать, откуда вы что-то узнали, либо просто держать свои знания при себе.

Это был один из тех барьеров, которые я попытался обойти, когда переехал в Вашингтон и начал освещать президентскую кампанию 1972 года. Вначале я считал, что такого по-

нятия, как «не для печати», не существует. Главная причина несостоятельности и ущербности политической журналистики в Америке кроется в том, что «за закрытыми дверями» между политиками и журналистами неизбежно возникают личные отношения – в Вашингтоне или где-либо еще, где они вынуждены общаться ежедневно. Если профессиональные противники могут в считанные часы стать приятелями-собутыльниками, то они перестают обращать внимание на «небольшие нарушения» правил и ни одна из сторон не воспринимает их всерьез. А в тех редких случаях, когда эти «небольшие нарушения» вдруг становятся большими, и те и другие впадают в панику.

Классическим примером этого синдрома стало «дело Иглтона». Половина политических журналистов в Сент-Луисе и по крайней мере дюжина в пресс-корпусе Вашингтона знали Иглтона как пьяницу с целым букетом психических расстройств, но никто из них никогда не писал об этом, а те немногие, кто позволял себе сказать что-то в частном разговоре, мигом заткнулись, стоило сотрудникам Макговерна начать наводить справки в тот роковой четверг в Майами. Ведь любой вашингтонский политический репортер, который лишает сенатора шансов стать вице-президентом, может сразу начинать искать другие темы для освещения, потому что на Капитолийском холме его имя будет смешано с грязью.

Когда я отправился в Вашингтон, то был полон решимости избежать этой ловушки. В отличие от большинства кор-

респондентов, я мог позволить себе сжигать за собой мосты, потому что мне предстояло проработать там всего год и последнее, что меня заботило, это установление долгосрочных связей на Капитолийском холме. Я поехал туда по двум причинам: во-первых, чтобы узнать как можно больше о механизме и сущности президентской кампании, а во-вторых, чтобы написать об этом так же, как я пишу обо всем остальном – как можно ближе к правде, и к черту последствия!

Это была прекрасная идея, и, как мне теперь кажется, это сработало, но, оглядываясь назад, я вижу за этим бескомпромиссным подходом две серьезные проблемы. Наиболее очевидная и наименее серьезная из них заключалась в том, что даже те немногие люди, которых я рассматривал как своих друзей в Вашингтоне, считали меня ходячей бомбой. Некоторые не хотели даже выпивать со мной, опасаясь, что у них развяжутся языки и они сболтнут лишнее, а через две недели все ими сказанное появится на прилавках газетных киосков. Другая, более сложная проблема была связана с моей естественной и нескрываемой симпатией к кандидатуре Макговерна – хотя поначалу, когда Джордж был безнадежным аутсайдером, это не было проблемой, потому что его сотрудники не видели никакого вреда в том, чтобы пооткровенничать с любым журналистом, проявлявшим доброжелательность и интерес. Но, когда он чудесным образом стал лидером предвыборной гонки, я оказался в крайне неудобном положении. Те, с кем я завел дружбу раньше, когда выдвиже-

ние Макговерна на пост кандидата в президенты от Демократической партии казалось почти столь же странной идеей, как и освещение президентской кампании постоянным корреспондентом журнала *Rolling Stone*, из горстки безнадежных идеалистов, с которыми я общался по сугубо личным причинам, вдруг превратились в ключевые фигуры стремительно ширящегося движения, представляющего человека, который, как казалось, мог не только победить во внутрипартийной гонке, но и вышибить из Белого дома Никсона.

Успех Макговерна на предварительных выборах здорово повлиял на мои отношения с людьми, которые руководили его кампанией, особенно с теми из них, кто знал меня достаточно хорошо и чувствовал, что мое презрение к освященным веками двойным стандартам политической журналистики не вполне совместимо с большой политической игрой, в которую вступил Джордж. И их опасения только усилились, когда выяснилось, что политическую колонку в *Rolling Stone* читают не только торчки, анархисты и маргиналы. Вскоре после впечатляющей победы Макговерна на предварительных выборах в Висконсине заклятый рупор истеблишмента Стюарт Олсоп снизошел со своей колокольни, процитировав некоторые из моих наиболее ядовитых высказываний о Маски и Хамфри в своей колонке в *Newsweek*, повысив меня до вполне respectable уровня.

После этого все изменилось. К тому времени, когда кампания Макговерна докатилась до Калифорнии, все уже пре-

бывали в состоянии адской напряженности. С самого верха были спущены распоряжения, обязывающие штатных сотрудников остерегаться прессы. Исключение было сделано только для репортеров, известных уважительным отношением к тому, что говорится «конфиденциально», но я под это определение не подходил.

Ну и хватит об этом. Главное, что я хотел сказать – прежде чем отвлекся на зайцев, – то, что все в этой книге, кроме примечаний, было написано под давлением сроков, в последнюю минуту, в ураганном вихре кампании, запутанной и непредсказуемой настолько, что даже сами ее участники порой не понимали, что происходит.

Прежде я никогда не освещал президентских кампаний, но, едва оказался втянут в эту, как сразу же подсел на нее настолько, что начал делать ставки на исход каждого предварительных выборов. И благодаря сочетанию агрессивного невежества с врожденным стремлением поиздеваться над расхожим мнением мне удалось выиграть все, кроме двух, из 50 или 60 ставок, сделанных в период с февраля по ноябрь. Мой первый проигрыш случился в Нью-Гэмпшире, где я чувствовал себя виноватым, потому что развел одного из сотрудников штаба Макговерна, который поставил на то, что Джордж получит больше 35 процентов голосов. Я проиграл, потому что Джордж финишировал с 37,5 процента. Но с того момента я беспрестанно выигрывал – вплоть до 7 ноября, когда совершил роковую ошибку, положившись

на чувства, а не на инстинкт.

Результат был убийственным, ну и что, черт возьми? Я облажался, как и множество других людей, которые должны были знать больше, чем я, и поскольку я не изменил ровным счетом ничего в этой груде черновых отрывков, написанных мною во время кампании, то не вижу никаких оснований для того, чтобы дать другой финальный прогноз. А начини я сейчас что-то переписывать, это разрушило бы основную концепцию книги, которая – помимо отчаянного плана издателя продать ее в таком количестве экземпляров, чтобы покрыть сделанные мною за эти 12 безумных месяцев фантастические расходы – заключалась в том, чтобы, связав все воедино, *зафиксировать, как проходила эта невероятно изменчивая президентская кампания*: все как было, репортаж из самого сердца урагана, и нет другого способа сделать это, кроме как отказаться от роскоши делать выводы задним числом.

Так что это скорее пристрастный дневник, нежели документальное свидетельство или продуманный анализ президентской кампании 1972 года. То, что вы прочтете здесь, ничем не отличается от того, что я писал по ходу избирательной кампании в полуночные часы на взятых напрокат пишущих машинках во всех этих бардачных гостиничных номерах – и в «Вэйфеарер Инн» в пригороде Манчестера, и в «Нейл Хаусе» в Коламбусе, и в «Уилшир Хайят Хаусе» в Лос-Анджелесе, и в «Фонтенбло» в Майами – в марте, мае и июле, когда

выдергивал из пишущей машинки страницу и отправлял ее в пластиковую пасть этого чертова телетайпа какому-то укуренному уроду в лице редактора новостного отдела *Rolling Stone* в Сан-Франциско.

То, что я хотел бы представить здесь, – это своего рода киноплёнка, на которой кампания показана такой, какой она была *в то время*, а не такой, какой она в итоге вошла в историю. Тем более что книг, описывающих ее с исторической точки зрения, и так будет достаточно. Последние подсчеты я получил как раз перед Рождеством 1972-го, когда экс-спичрайтер Макговерна Сэнди Бергер сказал, что по меньшей мере 19 людей, принимавших участие в кампании, собираются написать об этом книги, так что мы в конечном итоге получим весь спектр мнений – уж не знаю, к худшему это или к лучшему.

Между тем мой номер в «Сил рок» наполняется людьми, которые, кажется, пребывают на грани истерики, глядя, как я все еще сижу здесь и трачу время на сумбурное вступление, тогда как еще не написана последняя глава, которая в течение 24 часов должна уйти в печать... Но если здесь не появится кто-то с чрезвычайно мощным стимулятором, то никакой последней главы может и не быть. Четыре дорожки хорошего фена помогли бы мне проделать этот трюк, но я не столь оптимистичен. На рынке в эти дни налицо нехватка настоящего, «высоковольтного» фена, и – если верить недавнему заявлению официального представителя министерства

юстиции в Вашингтоне – это очевидное свидетельство прогресса в Нашей Войне Против Опасных Наркотиков.

Что ж... Спасибо Иисусу за это. Я уже начал думать, что мы никогда их не одолеем. Но люди в Вашингтоне говорят, что мы, наконец-то, делаем успехи. И если кто-то и должен что-то знать, то это они. Так что, возможно, эта страна собирается вновь встать на правильный путь.

ХСТ

Воскресенье, 28 января 1973 года,

Сан-Франциско, «Сил Рок Инн»

Декабрь 1971-го

Нужна ли эта поездка?.. Уход в национальную политику... Две минуты и один грамм до полуночи на магистрали в Пенсильвании... Создание отдела национальной политики... Выстоит ли Джорджтаун перед черной угрозой?.. Страх и отвращение в Вашингтоне...

Улица за моей новой входной дверью завалена листьями. Газон перед домом спускается к тротуару; трава все еще зеленая, но жизнь уже уходит из нее. Красные ягоды засыхают на дереве рядом с белым крыльцом в колониальном стиле. На подъездной дорожке перед кирпичным гаражом стоит мой «вольво» с голубыми кожаными сиденьями и номерами штата Колорадо. А рядом с автомобилем лежит связка новых дров: сосновых, вязовых и вишневых. Я жгу просто неприлично много дров в эти дни... Даже больше, чем братья Олсоп¹.

Когда человек отказывается от наркотиков, ему нужно больше огня в жизни – каждую ночь до утра огромные языки пламени в камине и звук, включенный на полную. Я заказал побольше динамиков, чтобы они соответствовали моему новому усилителю «Макинтош», а также 50-ваттный бумбок

---

¹ Братья Олсоп – Джозеф и Стюарт – известные американские журналисты, политические обозреватели. – *Прим. ред.*

для FM-радио в машине.

Говорят, с бумбоксом вам нужны хорошие ремни безопасности, иначе басовые риффы начнут сотрясать вас, как шарик от пинг-понга, что в условиях дорожного движения как-то некстати, особенно на прекрасных бульварах нашей столицы.

Одно из лучших и самых благотворных последствий переезда на Восток заключается в том, что ты начинаешь как следует понимать смысл «движения на Запад» в американской истории. Проведя на побережье или даже в Колорадо несколько лет, быстро забываешь, ради чего, собственно, ты сорвался с места и двинулся на Запад. Живешь себе в Лос-Анджелесе и через некоторое время начинаешь проклинать пробки на автострадах в теплых тихоокеанских сумерках... И уже не вспоминаешь о том, что в Нью-Йорке невозможно даже *припарковаться*, не говоря уж о том, чтобы ездить.

Даже в Вашингтоне, который все еще относительно свободен с точки зрения движения транспорта, парковка в центре обходится мне каждый раз около полутора долларов в час, что просто отвратительно... Но раздражает не столько стоимость, сколько понимание того, что парковаться на улицах уже больше не считается чем-то вполне естественным и здравомыслящим. И если вам посчастливится найти место рядом со стоянкой, вы не решитесь оставить там машину, потому что высоки шансы на то, что кто-то придет и либо украдет

вашу машину, либо разворотит ее, поскольку вы не оставили в ней ключи.

Мне говорят, что это обычное дело, когда ты возвращаешься к своему автомобилю и обнаруживаешь, что радиоантенна вырвана, дворники погнуты, как макароны, а окна разбиты... И все это без особой цели – просто, чтобы убедиться, что ты понимаешь, где находишься и как здесь обстоят дела.

Где же в самом деле?

В полшестого утра я могу выйти на улицу, чтобы втихую помочиться с крыльца и посмотреть на лужайку, медленно умирающую под белой морозной глазурью... Сегодня вечером здесь тихо, ничего не происходит с тех пор, как злобный ниггер швырнул тяжеленную пачку *Washington Post* на верхнюю ступеньку моего каменного крыльца, угодив в стеклянный фонарь и вдребезги разбив его. Он предложил было заплатить за ущерб, но мои доберманы уже вцепились в него.

Жизнь в этом городе течет стремительно и убого. Напоминает проживание в военном лагере в состоянии постоянного страха. Вашингтон примерно на 72 процента черный; сокращающееся белое население загнало себя в элегантно-го вида гетто в северо-западной части города, что, похоже, только упростило жизнь черным мародерам, превратившим такие места, как шикарный Джорджтаун и некогда стильный Капитолийский холм, в зоны параноидального страха.

Обозреватель *Washington Post* Николас фон Хоффман недавно отметил, что администрация Никсона/Митчелла, одержимая восстановлением законности и порядка в стране почти любой ценой, похоже, совершенно не обеспокоена тем, что Вашингтон, округ Колумбия, стал «мировой столицей насилия».

Один из самых опасных в городе – некогда фешенебельный район Капитолийского холма. Он непосредственно окружает офисные здания сената и конгресса, и это очень удобное место проживания для тысяч молодых клерков, помощников и секретарей, работающих там, на вершине. Мирные, осененные тенью деревьев улицы на Капитолийском холме выглядят как угодно, только не угрожающе: кирпичные таунхаусы в колониальном стиле со стеклянными дверями и высокими окнами, выходящими на библиотеку Конгресса и монумент Вашингтона... Приехав сюда где-то месяц назад, я объездил весь город в поисках дома или квартиры и решил, что было бы логично остановиться на Капитолийском холме.

«Черт побери, старина! – воскликнул мой друг из либеральной *New York Post*. – Да ты не сможешь там жить! Это же чертовы джунгли!»

Уровень преступности в этом районе таков, что даже Джон Гувер удивился². Количество изнасилований, как го-

---

² Джон Гувер (1895–1972) – американский государственный деятель, на протяжении почти полувека, с 1924 года до самой смерти в 1972 году, занимавший

ворят, в этом году выросло на 80 процентов по сравнению с 1970-м, а недавний всплеск убийств (в среднем около одного в день) свел почти на нет боевой дух местной полиции. Из 250 убийств в этом году были раскрыты только 36... *Washington Post* полагает, что полицейские просто готовы сдаться.

Между тем такие происшествия, как кражи, уличные грабежи и нападения, происходят настолько часто, что они уже больше не считаются новостями. Вашингтонская *Evening Star*, одна из трех ежедневных газет города, располагается в юго-восточном округе – в нескольких кварталах от Капитолия – в здании без окон, похожем на золотохранилище в Форт-Ноксе. Попасть в *Star*, чтобы с кем-то повидаться, почти так же сложно, как проникнуть в Белый дом. Посетителей тщательно обыскивают наемные полицейские, они же приказывают заполнять формы, которые служат «пропусками на вход». Журналисты *Star* так часто подвергаются нападениям, угрозам и грабежам, что на работу они приезжают и уезжают в такси, и, пробираясь от машины к ярко подсвеченному пропускному пункту, выглядят, словно люди, бегущие сквозь строй, – опасаясь, и не без оснований, каждого внезапного звука шагов.

Чужаку все это дается непросто. Последние несколько лет

пост директора Федерального бюро расследований. Гувер умер весной 1972 года. Данные, опубликованные в конце этого года, показали, что уровень преступности в стране снизился впервые за последние 10 лет. – *Прим. ред.*

я жил в таком месте, где мне не надо было забирать из машины ключи и тем более запирать свой дом. Замки выполняли сугубо символическую функцию, а если дело принимало серьезный оборот, то наготове всегда имелся «магнум» 44-го калибра. Но в Вашингтоне у вас создается впечатление – если верить тому, что вы слышите даже от самых «либеральных» аборигенов, – что почти каждый, кого вы видите на улице, имеет при себе, по крайней мере, «специал» 38-го калибра, а, возможно, и что-нибудь покрупче.

На расстоянии в десять шагов это, конечно, уже не имеет особого значения... Но становится как-то не по себе, когда узнаешь, что никто в здравом уме не решается отправиться в одиночестве от здания Капитолия до автомобиля на парковочной стоянке, боясь того, что потом придется голому и истекающему кровью ползти в ближайший полицейский участок.

Все это звучит невероятно, и моей первой реакцией было: «Да ладно! Все не может быть *настолько* плохо!»

«Подожди, и ты увидишь, – сказали мне. – А пока держи двери на замке».

Я немедленно позвонил в Колорадо и заказал себе очередного добермана. Если дела в этом городе обстоят именно так, то это лучшее, что можно сделать... Но без чувства юмора паранойя становится безудержной... И сейчас мне пришло в голову, что именно это, возможно, и произошло с остатками «либеральной структуры власти» в Вашингтоне. Ведь

одно дело быть избитым в конгрессе – даже если вас бьют *множество* раз, – и совсем другое, когда вы крадетесь из палаты сената с поджатым хвостом и вынуждены бояться того, что вас ограбит, растопчет или изнасилует на парковке Капитолийского холма троица бунтарей из «Черных пантер»³... Наверное, это портит вам настроение и пагубно влияет на ваши либеральные инстинкты.

Здесь невозможно избежать «расистского подтекста». Ведь убийственная правда заключается в том, что Вашингтон – это в основном город черных, и поэтому большая часть насильственных преступлений совершается чернокожими – не всегда против белых, но достаточно часто, чтобы заставить относительно богатое белое население очень нервничать, случайно встречаясь со своими черными согражданами. Проведя в этом городе всего лишь десять дней, я заметил, что страх помутил даже мой рассудок: я поймал себя на том, что проезжаю мимо черных автостопщиков. Каждый раз, сделав это, я спрашиваю себя: «Какого черта ты так поступил?» И отвечаю: «Ну, ладно, я подберу следующего, кого увижу». И иногда так и делаю, но не всегда...

---

³ Партия черных пантер – афроамериканская организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы. – *Прим. ред.*

О моем прибытии в город не упомянул ни один из светских обозревателей. Насколько мне припоминается, я въехал в Вашингтон вскоре после рассвета, чуть раньше, чем наступил час пик – автомобильная пробка из подвозящих друга друга на работу правительственных служащих, назревающая в пригородах Мэриленда... Я рывками, как хромой урод, продвигался по еле ползущей автостраде 70S, таща за собой взятый напрокат огромный оранжевый прицеп, полный книг и «важных бумаг», и чувствуя себя мучительно медлительным и беспомощным, потому что мой «вольво» не предназначен для такой работенки.

Это шустрый маленький зверь и одна из лучших машин, когда-либо созданных для ухабистой дороги, вождения по грязи и снегу... Но даже этот новый, шестицилиндровый супервольво не мог справиться с перевозкой почти тонны барахла через всю страну – из Вуди Крик, штат Колорадо, в Вашингтон, округ Колумбия.

Когда я пересек границу штата Мэриленд, над Хагерстауном всходило солнце, а мой одометр показывал 3468 км... Все еще не пришедший в себя после того, как заблудился где-то в районе деревушки под названием Бризвуд в Пенсильвании, я остановился, чтобы обсудить вопрос приобретения наркотиков с двумя хиппи, которых встретил на шос-

се.

У них пробило колесо к востоку от Эверетта, но никто не остановился, чтобы одолжить им домкрат. У них было с собой запасное колесо – и домкрат тоже, если на то пошло, – но не было *рукоятки* домкрата, и они не могли поднять машину и поставить запаску. Они поехали в Кливленд из Балтимора – чтобы воспользоваться резким падением цен на рынке подержанных автомобилей в городах вокруг Детройта – и купили этот 66-й «форд фэйрлейн» всего за 150 долларов.

Я был впечатлен.

– Да твою мать! – сказали они. – Ты можешь раздобыть там чертов *новый «фандерберд»* за семь пятьдесят. Все, что тебе нужно, – это *наличка*, мужик! Люди там просто в отчаянии! Там нет работы, старик, и они продают все! Цены упали с доллара до десяти центов. Вот черт, да я могу любую машину, которая попадется мне под Детройтом, продать в Балтиморе за две цены.

Я сказал, что хотел бы переговорить с кое-какими людьми, имеющими капитал, и, возможно, войти в этот бизнес, если там все так хорошо, как они говорят. Они заверили меня, что я могу сделать целое состояние, если найду достаточно налички, чтобы гонять машины из Детройта – Толедо – Кливленда в такие места, как Балтимор, Филадельфия и Вашингтон.

– Все, что тебе нужно, – сказали они, – это немного бабла

для начала и несколько ребят, чтобы гонять тачки.

– Точно, – ответил я. – И несколько рукояток для домкрата.

– Что?

– Рукояток для домкрата – для таких случаев.

Они засмеялись. Да, рукоятка домкрата или что-то в этом духе может избавить от множества неприятностей. Они отчаянно махали руками, стоя на краю дороги, около трех часов, пока не появился я... И то, по правде сказать, я остановился лишь потому, что не мог поверить своим глазам. Я в полном одиночестве ехал по шоссе в Пенсильвании, когда, спускаясь с холма, краем глаза заметил справа нечто вроде белой гориллы, бегущей из темноты к дороге.

Я вдарил по тормозам и остановился. Что, вашу мать, это было? Чуть раньше, поднимаясь на холм, я видел машину со спущенным колесом, но на дорогах в наше время полно всякого брошенного железного хлама... И вы не обращаете на него внимания, пока вдруг не приходится резко забирать руль влево, чтобы не наехать на большого пушистого белого зверя, рванувшего на дорогу на задних лапах.

Белый медведь?

В это раннее утро мне было паршиво от той дряни, которую передавали по радио, и тяжелого похмелья после квартиры виски, выпитой между Чикаго и выездом из Алтуны. Поэтому я решил: почему нет? Надо проверить, в чем дело.

Но я ехал со скоростью около 110 км/ч и к тому же совер-

шенно забыл о прицепе... В общем, к тому моменту, когда мне со всем этим добром удалось остановиться, я уже проехал полкилометра вниз по холму и не мог сдать назад.

Тем не менее меня разбирало любопытство. Поэтому я включил задние фары на своем «вольво» и пошел вверх по дороге в кромешной тьме с фонарем в одной руке и «магнумом-357» в другой. «Не хотелось бы, чтобы меня избили и отымели, – думал я, – дикие звери или кто-либо еще». Мои-то побуждения были исключительно мирными, но как насчет того существа, которое я собирался найти? О всяких таких людях пишут в *Reader's Digest*: озверевшие от крови торчки, которые прячутся по обочинам шоссе и охотятся на невинных путешественников.

Может быть, это Мэнсон или призрак Чарли Старквезера⁴? Никогда не знаешь, чего ждать – и в плохом, и в хорошем смысле... В моем случае это оказались два несчастных наркомана, обломавших и безнадежно обкуренных, застрявших у шоссе из-за того, что у них не было рукоятки домкрата, которая стоит 90 центов... И теперь, после трех часов тщетных попыток дождаться помощи, они наконец

---

⁴ Чарльз Мэнсон – американский преступник, лидер коммуны «Семья», члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств. Чарльз Старквезер – убийца и грабитель, который вместе со своей 14-летней подругой Кэрил Фьюгейт отправил на тот свет 11 человек. Среди их жертв оказались влюбленные, которые посадили их в свой автомобиль, когда те голосовали на дороге. В 1959 году Старквезера казнили на электрическом стуле, а его подругу приговорили к длительному тюремному заключению. – *Прим. ред.*

привлекли внимание пьяного лунатика, который, прежде чем остановиться, уехал от них на полкилометра, а потом подкрался к ним в темноте с «магнумом-357» в руке.

После такого задумаешься, стоит ли вообще просить у кого-то помощи. Откуда им было знать, что я не свихнулся от «ангельской пыли»⁵ и не жажду наполнить пустую бутылку из-под «Дикой индейки» свежей кровью, чтобы, напившись ее, доехать наконец до Вашингтона и подать заявку на пресс-аккредитацию в Белом доме... Ничто так не способствует тому, чтобы рвануть в большую политику, как хорошая доза красных кровяных телец!

* * *

Но на этот раз все вышло тип-топ – как обычно и бывает, когда следуешь инстинктам, – и когда я наконец дошел до стоящей на обочине развалюхи со спущенным колесом, то обнаружил там всего-навсего двоих продрогших наркоманов. «Белым медведем», бросившимся на дорогу, оказался Джерри, завернутый в белое шерстяное одеяло из благотворительного магазина в Балтиморе. Он впал в такое отчаяние, что решил пойти на все, лишь бы кого-нибудь остановить. Но, по его словам, по меньшей мере 100 машин и грузови-

---

⁵ «Ангельская пыль» – наркотик, получаемый из транквилизатора для животных, появившийся в начале 1970-х и распространенный преимущественно в США. Обладает галлюциногенным эффектом. – *Прим. ред.*

ков пронесли мимо: «Я знаю, что они видели меня, потому что большинство перестроились на другую полосу – даже полицейская машина. Черт возьми, в первый раз в жизни я действительно хотел, чтобы рядом со мной остановились полицейские... Твою мать, они же должны помогать людям, разве нет?!»

Лестер, его друг, был так удолбан, что не вылезал из тачки, пока мы не начали поднимать ее... Домкрат «вольво» для этого не годился, но у меня была огромная отвертка, которую нам удалось использовать в качестве рукоятки для их домкрата.

Когда Лестер в конце концов выбрался наружу, он сначала по большей части молчал, но наконец в голове у него слегка прояснилось, и он даже помог нам поставить колесо. Пока Джерри затягивал болты, Лестер посмотрел на меня и спросил:

– Скажи, дружище, у тебя есть что-нибудь покурить?

– Покурить? – переспросил я. – Неужто я выгляжу как человек, у которого есть с собой марихуана?

Лестер бросил на меня быстрый взгляд и покачал головой.

– Вот дерьмо, – сказал он. – Тогда давай покурим нашей.

– Не здесь, – отозвался я. – Эти синие огни метрах в ста от того места, где стоит моя машина, – полицейские казармы. Давайте выпьем кофе внизу в Бризвуде, там должна быть кафешка для водителей грузовиков.

Джерри кивнул:

– Здесь чертовски холодно. Если мы хотим упыхаться по полной программе, надо отправиться куда-нибудь, где тепло.

Они подвезли меня вниз к «вольво», а затем последовали за мной в Бризвуд к стоянке для дальнобойщиков.

– Это *страшное* дерьмо, – пробормотал Лестер, передавая косяк Джерри. – Сейчас не продают ничего стоящего. Получается, что единственное, чем можно удолбаться по полной, – это герыч.

Джерри кивнул. Появилась официантка, которая принесла еще кофе.

– Что-то вы, мальчики, много смеетесь, – сказала она. – Что вас развеселило в такую рань?

Лестер уставился на нее блестящими глазами, взгляд которых мог бы показаться опасным, если бы он не был в таком добродушном настроении, и улыбнулся беззубой улыбкой:

– Вы понимаете, – заявил он, – я раньше занимался мужской проституцией и смеюсь оттого, что счастлив, потому что наконец обрел Иисуса.

Официантка нервно улыбнулась, наполнила наши чашки и поспешила на свое место за прилавком. Мы выпили кофе и обменялись еще несколькими историями об ужасах современного наркорынка. Затем Джерри сказал, что им пора двигаться дальше.

– Мы едем в Балтимор, – сказал он. – А ты куда?

– В Вашингтон, – ответил я.

– Зачем? – спросил Лестер. – Какого черта кому-то вообще *туда* ехать?

Я пожал плечами. Мы стояли на стоянке, пока мой доберман мочился на колесо грузовика для перевозки домашней птицы Hard Brothers.

– Ну... это такая странная поездка, – выдавил я наконец. – Так уж получилось, что я, в конце концов, впервые за 12 лет получил работу.

– Бог ты мой! – воскликнул Лестер. – Это тяжело. Двенадцать лет на пособии! Дружище, тебе действительно туго пришлось!

Я улыбнулся:

– Да, можно сказать и так.

– Что же *это* за работа такая? – спросил Джерри.

Тем временем доберман занялся водителем грузовика Hard Brothers: тот стоял, прижавшись спиной к кабине, и истерично визжал, отбиваясь от собаки армейскими ботинками с металлическими мысками. Со смутным удовлетворением мы наблюдали, как доберман, озадаченный этой сумасшедшей вспышкой ярости, попятился и угрожающе зарычал.

– О, господи! – завопил дальнобойщик. – Кто-нибудь, помогите мне!

Он явно предчувствовал, что его вот-вот без всякой на то причины загрызет какая-то злобная тварь, которая выбежала

из темноты и прижала его к кабине собственного грузовика.

– Хватит, Бенджи! – крикнул я. – Не шути с этим типом – он нервный.

Дальнобойщик потряс кулаком в мою сторону и закричал что-то о номере моей лицензии.

– Убирайся отсюда, придурок! – заорал Лестер. – Вот из-за таких свиней, как ты, о доберманах идет дурная слава.

Когда дальнобойщик рванул прочь, Джерри засмеялся.

– С такой собакой ты на работе долго не протянешь, – сказал он. – А серьезно, чем ты занимаешься?

– Это связано с политикой, – ответил я. – Я еду в Вашингтон, чтобы освещать президентскую предвыборную гонку для журнала *Rolling Stone*.

– Господи Иисусе! – пробормотал Джерри. – Надо же! *Stone* втравился в политику?

Я уставился в асфальт, не зная, что сказать. Втравился ли *Stone* в политику? Или это *только я* в нее втравился? На самом деле я никогда не задумывался об этом... Но теперь, на подступах к Вашингтону, в сером предутреннем свете, на этой стоянке для грузовиков рядом с Бризвудом к северу от границы Мэриленда, мне вдруг пришло в голову, что я действительно не могу сказать, что я здесь делаю, за исключением того, что направляюсь в округ Колумбия с оранжевым прицепом в форме свиньи и доберманом-пинчером, у которого после многих дней, проведенных в дороге, вконец расстроился желудок.

– Довольно паршивый способ вернуться на работу, – сказал Лестер. – Почему бы тебе не забить на эту фигню и не замутить с нами что-нибудь вроде перепродажи автомобилей, о которой тебе рассказал Джерри?

Я покачал головой:

– Нет, я хочу хотя бы попробовать.

Лестер какое-то время смотрел на меня, потом пожал плечами.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Какой облом! Да зачем кому-то вообще окунаться в такую кучу дерьма, как политика?

– Ну... – протянул я, прикидывая, есть ли здравомыслящий ответ на подобный вопрос. – Это трудно объяснить, это личное.

Джерри улыбнулся.

– Ты говоришь так, как будто уже пробовал, – сказал он. – Как будто ты уже *словил кайф от нее*.

– Не настолько, насколько хотел, – сказал я, – но улетел определенно.

Лестер посмотрел на меня с интересом.

– Я всегда так и думал про политиков, – заметил он. – Просто банда чертовых наркош, помешанных на власти, только их от другого глючит.

– Да ладно, – проговорил Джерри. – Некоторые из этих парней нормальные.

– Кто именно? – спросил Лестер.

– Вот почему я и собрался в Вашингтон, – сказал я. – Чтобы посмотреть на этих людей и понять, *все* ли они свиньи.

– Не волнуйся, – сказал Лестер, – все. С тем же успехом ты мог бы поискать девственниц в балтиморском борделе.

– Ладно, – сказал я. – Увидимся, когда я доберусь до Балтимора.

Я протянул руку, и Джерри пожал ее обычным рукопожатием, но Лестер поднял вверх свой большой палец, так что я должен был ответить на это рукопожатие Революционных Братьев по Наркотикам, или что там должен означать этот чертов жест. Если вы путешествуете по стране, то на маршруте между Беркли и Бостоном должны освоить 19 видов рукопожатий.

– Он прав, – сказал Джерри. – Эти ублюдки просто *не были* там, если бы не прогнили насквозь.

И покачал головой, зло глядя мимо нас. Заря разгоралась, ночь четверга умирала, и по шоссе за стоянкой с ревом проносились автомобили, полные людей, едущих в пятницу утром на работу.

«Добро пожаловать в Вашингтон, округ Колумбия» – так написано на огромной – около шести метров в ширину и трех в высоту – каменной дорожной вывеске. Освещенная прожекторами, она стоит в считанных метрах от границы Мэриленда в самом начале 16-й улицы – пятиполосной, обрамленной по обеим сторонам деревьями и насчитывающей

около 1300 несинхронных светофоров отсюда и до самого Белого дома.

Жить в самом округе не модно, если только вы не подыщите себе старый кирпичный таунхаус с зарешеченными окнами в Джорджтауне за 700 или около того баксов в месяц. Вашингтонский Джорджтаун – это уродливый ответ на Гринвич-Виллидж. Но не совсем. Еще больше он похож на район Старого города в Чикаго, где живут в основном съехавшие с катушек редакторы *Playboy*, курящие изготовленные по спецзаказу косяки. А обитатели Джорджтауна – это модные молодые юристы, журналисты и чиновники, завсегдатаи нескольких баров, обшитых сосновыми панелями, и дискотек «только для холостяков», где напитки стоят 1,75 доллара, а с девушек в коротеньких шортах не взимается дополнительной платы за обслуживание.

Я живу на «черной» стороне парка Рок-Крик, в месте, которое мои друзья-журналисты считают «маргинальным районом». Почти все, кого я знаю или с кем имел дело по работе, живут либо в зеленых пригородах Вирджинии, либо повыше, на «белой» стороне парка, около Чевии-Чейза и Бетесды, в Мэриленде.

Субкультура рассеяна по отдаленным бастионам, и единственное более-менее близкое ко мне место – это район вокруг Дюпон-Серкл, в центре. Из моих знакомых там живут Николас фон Хоффман и Джим Флаг, гиперактивный помощник Тедди Кеннеди по вопросам законодательства.

Но у фон Хоффмана Вашингтон, кажется, уже сидит в печенках, и он поговаривает о переезде на побережье, в Сан-Франциско... А Флаг, как и все, кто хотя бы отдаленно связан с Кеннеди, изо всех сил готовится к очень трудному году: 20 часов в сутки на телефоне и оставшиеся четыре – в самолете.

С приближением конца декабря в воздухе над Вашингтоном повисла тревога, почти осязаемое отчаяние от того, что Никсон и его приспешники будут отстранены от власти, не успев завершить ее захват, начавшийся три года назад.

Джим Флаг заявляет, что предпочел бы не говорить о выдвижении кандидатуры Кеннеди на пост президента – по крайней мере, вплоть до того момента, когда это произойдет, что, кажется, случится очень скоро. Тедди, очевидно, искренне не планирует выдвигаться, но ему, как и всем остальным, трудно не заметить, что почти все, кто «что-либо значит» в Вашингтоне, буквально загипнотизированы недавней серией опросов Гэллапа⁶, показавших, что Кеннеди подбирается все ближе к Никсону – почти уже сравнялся с ним, и это отбрасывает очень длинную тень на других кандидатов от Демократической партии.

В рядах демократов царит легкое отчаяние в связи

---

⁶ Регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики, проводимые Институтом Гэллапа – американским институтом общественного мнения, основанным Джорджем Гэллапом. Институт пользуется международным авторитетом как один из наиболее надежных источников информации о состоянии общественного мнения в США и в мире. – *Прим. ред.*

с перспективой застрячь – и вновь потерпеть поражение – с такими заезженными лошаdkами, как Хамфри, Джексон или Маски... А Джордж Макговерн, единственный, за кого стоит голосовать, подвешен в состоянии неизвестности, которым обязан в основном цинизму вашингтонской прессы. «Он мог бы стать прекрасным президентом, – говорят они, – но, конечно, не сможет победить».

А почему нет?

Ну... Эти мудрецы не утруждают себя объяснениями, но их рассуждения, судя по всему, строятся на некоей туманной идее, что люди, которые могли бы сделать президентом Макговерна, – эта огромная разношерстная толпа студентов, длинноволосых фриков, черных, антивоенных активистов и обдолбанных маргиналов – даже не удосужатся зарегистрироваться, а уж тем более потащиться на избирательные участки в день выборов.

Может быть, и так... Однако трудно припомнить в новейшей истории кандидатов, которые потерпели бы неудачу, выдвигаясь на выборы при поддержке того, что сейчас называется «голосом за Макговерна», если они *и в самом деле представляли его*.

Чертовски ясно, что ЭлБиДжея⁷ вышибли из Белого дома в 1968 году не АФТ – КПП⁸, и не Джин Маккарти. Именно люди, проголосовавшие за Маккарти в Нью-Гэмпшире, привели Джонсона к поражению... И Джорджа Мини⁹ не подстрелили вместе с Бобби Кеннеди¹⁰ в Лос-Анджелесе, потому что «радикальный» организатор из UAW¹¹ оказался отступником.

---

⁷ ЭлБиДжей – Линдон Бэйнс Джонсон – 36-й президент США. – *Прим. ред.*

⁸ АФТ – КПП (Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов) – крупнейшее профсоюзное объединение США, само по себе не являющееся профсоюзом и не участвующее в переговорах. Представляет общеполитические интересы профсоюзов и координирует их совместную деятельность. – *Прим. ред.*

⁹ Джордж Мини – профсоюзный лидер США, председатель АФТ – КПП с 1955 по 1979 год. На президентских выборах и выборах в конгресс Мини поддерживал Демократическую партию в вопросах как внутренней, так и внешней политики. В феврале 1965 года направил президенту США Л. Джонсону телеграмму, в которой заявил о полной поддержке агрессивного курса правительства США во Вьетнаме. – *Прим. ред.*

¹⁰ Роберт «Бобби» Кеннеди – младший брат убитого президента Джона Кеннеди. В 1968 году баллотировался на пост президента США от Демократической партии. Скончался 6 июня 1968 года после смертельного огнестрельного ранения, полученного 5 июня сразу после произнесения речи по поводу победы на предварительных выборах в штате Калифорния. – *Прим. ред.*

¹¹ UAW – объединенный профсоюз рабочих автомобильной и авиакосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения Америки. Промышленный профсоюз в составе АФТ – КПП. – *Прим. ред.*

Не «большие боссы» Демократической партии выиграли для Бобби предварительные выборы в Калифорнии, а тысячи ниггеров, латиносов и белых фриков-пацифистов, которые устали от того, что их травят слезоточивым газом, потому что они не согласны с человеком, сидящим в Белом доме. Никому не пришлось тянуть их в ноябре на избирательные участки, чтобы Никсон проиграл.

Но потом произошло убийство, а после него случились съезд в Чикаго и болван по имени Хамфри. Он обращался к «респектабельным» демократам – и тогда, и сейчас, и если Хамфри или любой из его жирных подобиий вздумает выдвигаться в 1972-м, это кончится очередным разгромом, сравнимым с поражением Стивенсона в 1956 году.

Люди, отдавшие свои голоса за Бобби, все еще здесь – как и несколько миллионов тех, кто будет голосовать впервые, – но они не станут делать выбор в пользу Хамфри, или Джексона, или Маски, или любого другого продажного нео-Никсона. И даже за Макговерном они не пойдут, если кудесники национальной прессы продолжают называть его Благородным неудачником...

Впрочем, если верить опросам Гэллапа, эта часть избирателей может устроить большую головную боль с Тедом Кеннеди, что начинает по-настоящему тревожить заправил и «профи» обеих партий. Одно только упоминание имени Кеннеди, как говорят, вызывает у Никсона судороги по всему телу. Поэтому его головорезы уже начали нападать

на Кеннеди, называя его «лжецом», «трусом» и «мошенником».

А ведь сейчас еще только декабрь 1971 года – до выборов остается десять месяцев.

Единственный, кто нервничает из-за результатов опросов общественного мнения больше, чем Никсон, – это, кажется, сам Кеннеди. Он просто не желает признавать происходящее – по крайней мере на официальном уровне, – и потому его помощники, такие, как Джим Флаг, вынуждены балансировать, словно канатоходцы. Они видят, что это событие – выдвижение их босса – приближается и, возможно, произойдет очень скоро, но ничего не могут сделать. Пока Тед упирается и твердит, что он вовсе никакой не кандидат, его помощники пытаются сохранить ясность ума в сердце урагана, лихорадочно работая над планом предвыборной кампании.

Однажды вечером я позвонил Флагу в офис – он работал допоздна, тщетно пытаюсь помешать тому, чтобы сенат утвердил Эрла Батца на пост нового министра сельского хозяйства в правительстве Никсона.

– К черту Батца, – сказал я, – как насчет Ренквиста? Неужели они в самом деле собираются назначить такую свинью в Верховный суд?

– У них есть голоса, – ответил он.

– Господи, – пробормотал я, – неужто он в самом деле так плох, как о нем пишут?

– Еще хуже, – отрезал Флаг. – Но я думаю, что он пройдет.

Мы пытались помешать, но не смогли получить голоса.

Джим Флаг и я – вовсе не близкие друзья. Я познакомился с ним несколько лет назад, когда приехал в Вашингтон, чтобы собрать материал для статьи о контроле над продажей оружия, которую писал для *Esquire*, – статьи, которая в конце концов умерла в адском пламени споров между мной и редакторами относительно того, как сократить мой «окончательный вариант» с 30 000 слов до объема, который может уместиться в журнале.

Флаг очень помог мне в сборе материала. Мы беседовали в тоскливом кафетерии в здании старого сената, где сидели локоть к локтю с сенатором Романом Хруска, государственным деятелем из Небраски, и другими тяжеловесами, чьи имена я сейчас уже забыл.

Сначала мы стояли в очереди с подносами, затем взяли завернутые в пленку бутерброды с тунцом и кофе в пластиковых стаканчиках и двинулись к столику. Флаг рассказывал, как он намучился с законопроектом о контроле над оружием, пытаясь придать ему такой вид, чтобы он мог пройти в сенате. Я слушал, время от времени поглядывая в сторону стойки с едой и смутно рассчитывая увидеть там кого-нибудь вроде Роберта Кеннеди, толкающегося со своим подносом в очереди... пока вдруг не вспомнил, что Роберт Кеннеди уже мертв.

Между тем Флаг излагал все нюансы спора о контроле

над оружием с неумолимостью циркулярной пилы, словно адвокат на судебном процессе. Он был весь *там*: ссутулившийся на своем стуле смуглый маленький человечек лет тридцати с блестящими глазами, одетый в синий в полоску костюм с жилетом и красно-коричневые кожаные мокасины, безжалостно разносящий в пух и прах любой аргумент, который когда-либо выдвигала против федеральных законов об оружии Национальная стрелковая ассоциация. Позже, когда я узнал, что раньше он действительно был адвокатом, мне пришло в голову, что я бы никогда и ни при каких обстоятельствах не хотел бы схлестнуться с таким человеком, как Флаг, в зале суда... К счастью, я был достаточно осторожен, чтобы не признаться ему, даже в шутку, в своей любви к «магнуму-44».

В тот день после ланча мы вернулись в его офис, и он выдал мне стопку документов и статистических данных для подкрепления своих доводов. Тогда я уехал под большим впечатлением от общения с Флагом и совершенно не удивился, когда год спустя услышал, что он стал главной движущей силой, казалось бы, немислимого противостояния выдвиганию Карсуэлла в Верховный суд – этой одной из самых впечатляющих и бесспорных политических побед с того времени, как Маккарти отправил обратно на ранчо Линдона. После того как сенат отверг кандидатуру судьи Хейнесурта, Карсуэлл выглядел бесспорным кандидатом

на победу... Однако группе сотрудников сената во главе с Флагом и помощниками Бирча Бая удалось «прокатить» и Карсуэлла.

Зато теперь, когда Никсон пытается заполнить *еще* две судебные вакансии, Флаг говорит, что нет ни малейшего шанса помешать утверждению его кандидатов.

– И даже Ренквисту? – поинтересовался я. – Господи, это как если бы Линдон Джонсон попытался поставить во главе суда Бобби Бейкера.

– Я знаю, – сказал Флаг. – В следующий раз, когда захотите что-то обжаловать в Верховном суде США, просто помните, кто там, наверху.

– Вы имеете в виду – там *внизу*, – отозвался я. – Вместе со всеми нами. – Я засмеялся. – Что ж, там всегда попахивает...

Но Флагу было не до смеха. Последние три года он и многие другие люди очень усердно работали ради того, чтобы расстроить эти кошмарные планы и помешать команде Никсона/Митчелла забить нам глотки. Какое уж тут удовлетворение от поражения Хейнесурта и Карсуэлла, если потом приходится молча «глотать» такого третьесортного придурка, как Пауэлл, и такого мстительного выродка, как Ренквист! За три года Никсон и Митчелл – несмотря на все усилия самых сообразительных и норовистых «младотурков»¹², которых только могла призвать демократическая оп-

---

¹² Партийная фракция, состоящая из молодых людей, недовольных политикой

позиция, – низвели Верховный суд США до уровня низкопробной команды по игре в боулинг из Мемфиса, и это катастрофическое, отдающее фашизмом изменение баланса сил в правительственном органе, который призван принимать окончательные решения, никак *не даст о себе знать* до весны 1972-го.

Потенциальные последствия этой смены курса настолько ужасны – с точки зрения свободы личности и усиления власти полиции, – что даже нет смысла спекулировать на судьбе какого-нибудь бедного, введенного в заблуждение психа, который может захотеть рассмотрения своего дела о незаконном обыске и аресте на самом вершине.

Полезный намек, впрочем, содержится в деле газетного репортера из Таллахасси, который в 1967 году сбежал в Канаду, чтобы избежать призыва в армию, а вернувшись, узнал, что больше не является гражданином США и теперь у него есть 90 дней на то, чтобы покинуть страну. Он обратился со своим делом в Верховный суд, но они отказались даже рассматривать его.

Так что теперь ему надо уезжать, но, разумеется, у него нет паспорта, а выехать за границу без паспорта невозможно. Федеральные иммиграционные чиновники понимают это, но, поддержанные Верховным судом, поставили ему ультиматум: валить по-любому. Их не заботит, куда он отправится, пусть просто убирается из страны. А тем временем вер-

ховный судья Бергер, когда ему ночью звонят в дверь, вынужден открывать ее с большим шестизарядным револьвером в руке. Как он говорит, никогда не знаешь, кто к тебе может заглянуть.

Действительно. Может быть, это Ренквист, который перел сырой рыбы и обезумел настолько, что решил напоследок напасть для отмщения на первый же дом, который попался ему на пути.

Наш мир полон опасных тварей, но ни одна из них не сравнится со съехавшим с катушек и утратившим здравомыслие юристом. Этот впадет в настоящее неистовство – как и священник, вкусивший секса, или полицейский из отдела по борьбе с наркотиками, который вдруг решил испробовать конфискат.

Да... Хм... Так на чем мы остановились? У меня есть плохая привычка сбиваться с линии повествования и раскатывать безумные отступления на 50 или 60 страниц, которые мне в конечном итоге приходится сжигать для моего же блага. Одно из немногих исключений из этого правила произошло совсем недавно, когда я облажался и позволил примерно двум сотням страниц проскочить в печать... Помимо прочего, это принесло мне немало проблем с налоговым инспектором и послужило уроком, который, надеюсь, я никогда не забуду.

Живи стабильно. Не разменивайся на мелочевку. Держись подальше от всего непонятного, в том числе и от людей.

Не связывайся с ними. Я понял это на собственном горьком опыте, потому что был чересчур мягок.

Да, есть и еще один неприятный факт: я должен успеть на самолет, который через три часа улетает в Чикаго, для участия в какой-то национальной Чрезвычайной конференции молодых избирателей. Похоже, новой версии выдвижения Маккарти/Кеннеди 68-го года дан старт, и так как конференция начинается сегодня в шесть часов вечера, я *должен* попасть на самолет...

...Снова в Чикаго. Там никогда не бывает скучно. И вы никогда не знаете точно, какого рода дерьмо обрушится на вас в этом городе, но всегда можете рассчитывать на *что-то подобное*. Отправляясь в Чикаго, я каждый раз возвращаюсь оттуда со шрамами.

Январь

Полная безнадега... Профи высмеивают молодых избирателей... Свежее мясо для парней из задней комнаты... «Смерть надежды» и угасающие ожидания... Очередной крестовый поход Маккарти?.. Джон Линдси?.. Тухлое воскресение из мертвых Хьюберта Хамфри... Насилие в ложе для прессы и рейс TWA¹³... Кто такой Большой Эд и почему все к нему подкатывают?..

Спорных вопросов хватает. Чего нет, так это общественного интереса к ним. Возможно, нет и надежды. Крушение надежд – вот что было бы ужасно. Чернокожее население никогда не было циничным по отношению к своей стране. Однако разговоры, которые теперь можно услышать среди молодых обитателей южной стороны Чикаго, Гарлема или Бедфорд – Стайвесанта, свидетельствуют о зарождающемся цинизме. В свете того, что делает правительство, можно было бы ожидать от молодых чернокожих утраты веры во властные элиты, но здесь видно что-то другое – холодное безразличие, отдаление человека от человека. То, что вы слышите

---

¹³ TWA (Trans World Airlines) – авиакомпания. В 2001 году поглощена авиакомпанией American Airlines. – Прим. ред.

и видите, не гнев, не ярость, а угасание ожиданий.
Д. Брукнер, 6 января 1972 года, L. A. Times

Статья Брукнера посвящена настроениям молодых чернокожих, но, если не вчитываться внимательно, этот нюанс запросто можно упустить. Ведь среди молодых белых царят примерно такие же настроения, несмотря на вал активно финансируемых публикаций о потенциально массовом «голосе молодых избирателей»¹⁴.

Двадцать пять или около того миллионов новых избирателей в возрасте от 18 до 25 лет, собирающихся голосовать, возможно, впервые в жизни, предположительно держат судьбу нации в своих энергичных молодых руках. По словам людей, утверждающих, что говорят от их имени, их «голос» достаточно мощен, чтобы вышвырнуть Никсона из его кабинета. Хьюберт Хамфри в 1968-м проиграл 499 704 голоса – крохотный процент от того, чем может оказаться в 1972 году «голос молодых».

Но не так уж много людей в Вашингтоне – даже среди кандидатов – воспринимают это всерьез. Они полагают, что молодые люди, которые будут в 1972-м голосовать в первый раз, разделятся в своих предпочтениях более или менее так же, как их родители, и появление 25 млн потенциальных новых избирателей означает лишь то, что эта огромная люд-

---

¹⁴ Принятая в 1971 году 26-я поправка к Конституции США позволила голосовать, начиная с 18 лет, что увеличило общее число избирателей и снизило их возраст. – *Прим. ред.*

ская масса будет поглощена все той же старой системой... Просто очередная большая волна новых переселенцев, которые пока еще не знают, что к чему, но будут вынуждены быстро всему научиться, – так о чем беспокоиться?

Действительно, о чем? Подонки, которые так считают, возможно, снова окажутся правы, но на этот раз над этим стоит подумать, пусть даже за их правотой стоят неверные резоны. Почти все политики и представители прессы, которые низводят до нуля «так называемый голос молодых» как движущую силу на выборах 1972-го, оправдывают это свое отношение, уныло осуждая поколение «детей».

«Как много их вообще регистрируется? – вопрошают они. – И даже если предположить, что треть *потенциальных избирателей* может регистрироваться, многие ли из них на самом деле пойдут на участки и проголосуют?»

Каждый раз подразумевается, что угроза «голоса молодых» – это просто производящий много шума «бумажный тигр». Конечно, *некоторые* из этих детей придут голосовать, говорят они, но, судя по всему, таких будет не больше 10 процентов. Это, в первую очередь, студенты колледжей, а остальные 90 процентов составят военные, безработные, живущие на пособие, и работающие – пришедшие на свои первые рабочие места, сидящие на зарплатах, только что женившиеся. Старина, эти люди уже *угодили в ловушку* так же, как и их родители.

В этом заключаются их доводы... И, наверное, уже сейчас

можно с уверенностью сказать, что в Вашингтоне нет ни одного кандидата в президенты, гуру СМИ или мастера закулисной политики, который искренне верит в то, что «голос молодых» окажет заметное влияние на исход президентской кампании 1972 года.

«Эти дети выключены из политики, – говорят они. – Большинство из них не желает даже и слышать об этом. Все, что они хотят делать, – это валяться на кроватях с водяным матрацем и курить эту проклятую марихуану...» И между нами говоря, Фред, возможно, это и к лучшему...

Среди полудюжины влиятельных вашингтонских организаций, утверждающих, что они говорят от имени «молодых избирателей», единственная, у кого действительно есть мускулы, – это Национальная ассоциация студенческих советов. В прошлом месяце она провела Чрезвычайную конференцию молодых избирателей в Чикаго, а затем вернула себе прежние позиции в округе Колумбия, собрав пресс-конференцию в здании старого сената, где объявила о созыве Национального молодежного собрания.

Как сказал 26-летний Дуэйн Дрейпер, главный организатор, идея заключалась в том, чтобы ввести студенческих активистов во власть на местном уровне в каждом штате и таким образом получить возможность влиять на ход выборов.

Эта пресс-конференция собрала уйму народу. От Государственной службы телевидения прибыл Эдвард Морган, одетый в щегольской плащ от London Fog и покручивающий

черный зонтик. От *New York Times* приехала какая-то женщина. *Washington Post* тоже был представлен каким-то писателем, а остальные национальные издания прислали тех же самых людей, которых они обычно отправляют на все мероприятия, проходящие в этой выгребной яме – Вашингтоне.

Как всегда, «пишущая братия» стояла или сидела скромным полукругом позади ряда телекамер кабельных каналов, в то время как Дрейпер и его наставник, сенатор Фред Харрис из Оклахомы, сидели за столом и объясняли, что успех встречи в Чикаго сдвинул с мертвой точки вопрос «голоса молодых» и вывел его на линию старта. Харрис почти не говорил; он просто сидел там и смотрел, словно Джонни Кэш, в то время как Дрейпер, бывший президент студсовета Оклахомского университета, рассказывал пресыщенной прессе, что «голос молодых» станет важным и, возможно, даже решающим на выборах этого года.

Я опоздал минут на десять и, когда подошло время спрашивать, задал тот же самый вопрос, что и Элларду Лоуэнштейну на такой же пресс-конференции в Чикаго: будет ли Молодежное собрание поддерживать Хьюберта Хамфри, если тот станет кандидатом от Демократической партии?

Лоуэнштейн тогда отказался отвечать, заявив: «Мы будем форсировать эту переправу, если подойдем к ней». Но в Вашингтоне Дрейпер ответил: «Да», – голос молодых может поддержать Хьюберта, если он «займет правильные позиции».

– А как насчет Джексона? – спросил я.

Последовала пауза... Но в конце концов Дрейпер заявил, что Национальное молодежное собрание может также поддержать и Джексона, «если он проявит себя».

– Проявит себя в чем? – решил уточнить я.

К этому времени я чувствовал себя так, словно сидел там совершенно голый и оттого внушал подозрения. Мой наряд и поведение в целом по вашингтонским стандартам никуда не годятся. В этом городе не принято носить «левисы», и если ты появляешься где-то в джинсах, тебя принимают за обслугу или курьера. Тем более на пресс-конференциях высокого уровня, где любое отклонение от стандартного журналистского дресс-кода считается грубым и, возможно, даже опасным нарушением.

В Вашингтоне все журналисты одеваются, как банковские служащие и как люди, у которых нет проблем. Специалисты по работе с прессой мистера Никсона, например, сразу дали мне понять, что журналистская аккредитация в Белый дом мне не светит. Когда я позвонил в первый раз, мне сказали, что они «никогда не слышали о *Rolling Stone*».

– Катящийся что? – переспросила женщина.

– А вы спросите у кого-нибудь помоложе вас, – сказал я.

– Спасибо, – прошипела она. – Я так и поступлю.

Следующим препятствием на моем пути стал заместитель пресс-секретаря Белого дома, безликий голос по имени Джеральд Уоррен, заявивший, что Катящемуся-Куда-Бы-То-Ни-

Было *не нужна* журналистская аккредитация в Белый дом, несмотря на тот факт, что до того ее без хлопот получили всевозможные странные издания, в том числе студенческие газетки типа *Hatchet* Университета Джорджа Вашингтона.

Единственные люди, которые, судя по всему, по-настоящему заинтересованы в выборах-72, – это фактические их участники – кандидаты, их оплачиваемый персонал, тысячи журналистов, телевизионщики и других связанные с медиа шустрилы, которые проведут большую часть этого года вместе, изо всех сил раскручивая кампанию... И, конечно, всевозможные *спонсоры* – «денежные мешки» на языке нынешних политиков, – которые собираются изрядно погреть руки по меньшей мере ближайшие четыре года, если сумеют пропихнуть своего человека за финишную черту на волосок впереди остальных.

Все, что связано с «денежными мешками», – по-прежнему один из самых волнующих моментов президентской кампании, но даже здесь напряженность постепенно идет на спад – в первую очередь потому, что большинство действительно серьезных спонсоров еще несколько лет назад поняли: банк можно сорвать, «помогая» сразу двум кандидатам, а не одному, даже если при этом пойдешь под откос с тем из них, кто окажется неудачником.

В 1972 году этой тактики, вероятно, будет придерживаться и миссис Релла Фактор – бывшая жена Джейка-парик-

махера¹⁵ и главный спонсор кампании Хьюберта Хамфри в 1968-м. В прошлый раз она не получила прибыли от своих вложений. Но в этом году, используя новый метод, может купить дружбу двух, трех или даже четырех кандидатов в президенты по той же цене, предусмотрительно сделав инвестиции в Хьюберта, Никсона, и, возможно, – это как раз для такой буйной мегеры, как она, – подбросив кусок Джину Маккарти, который, похоже, на этот раз собирается отчебучить что-то по-настоящему странное.

Я питаю своего рода слабость к Маккарти. Ничего серьезного, но я помню, как стоял рядом с ним под снегом у проходной обувной фабрики в Манчестере, Нью-Гэмпшир, в феврале 1968 года. В пять часов свисток возвестил об окончании рабочего дня, и он был там, посреди толпы рабочих, ломанувшихся на автомобильную стоянку. Я никогда не забуду выражение боли на лице Маккарти, когда он стоял с протянутой рукой, повторяя снова и снова: «Пожмите руку сенатору Маккарти... Пожмите руку сенатору Маккарти... Пожмите руку сенатору Маккарти...» Его напряженную застывшую улыбку, когда он нервно шагал навстречу кому-то более-менее дружественно настроенному: «Пожмите руку сенатору Маккарти...» Однако большинство рабочих

---

¹⁵ Джейк-парикмахер – мафиози, связанный с Чикагским синдикатом. Настоящее имя – Джон Фактор, имя при рождении – Яков Факторович. Как и его брат Макс Фактор, основатель косметической компании Max Factor, в юности обучался парикмахерскому искусству, за что и получил свое прозвище. – *Прим. ред.*

не обращали на него внимания и не замечали его протянутой руки. Глядя в одну точку перед собой, они спешили к своим машинам.

В тот день там была по крайней мере одна телекамера какого-то канала, но сюжет так и не вышел в эфир. Даже просто смотреть на все это было тяжело, а показать такую сцену по национальному телевидению было бы откровенно жестоко. Маккарти явно страдал, и не столько потому, что девять из десяти человек отказались пожать ему руку, сколько потому, что он ненавидел саму необходимость находиться там. Однако его помощники сказали ему, что надо сделать это, и, может быть, так оно и было...

* * *

Позже, когда его небывалый успех в Нью-Гэмпшире потряс Джонсона настолько, что тот решил отказаться от попытки переизбрания, я почти ждал, что Маккарти тоже выйдет из гонки, чтобы больше не надо было так страдать на протяжении всего пути до Чикаго (как Кастро на Кубе после бегства Батисты)... И только Бог знает, что за мстительная сила движет им на этот раз, однако многие из тех, кто считал, что он, должно быть, свихнулся, раз собрался баллотироваться в 1972-м снова, теперь начинают воспринимать его всерьез. И не как претендента от демократов, а как все более вероятного кандидата от независимых сил, способного

за период времени с августа по ноябрь разрушить планы кандидатов вроде Маски.

Для председателя Демократической партии Ларри О'Брайена перспектива выдвижения кандидатуры Маккарти в 1972-м – это как если каждую ночь слышать, как на твоём крыльце принохивается и метит его, задрав лапу, собака Баскервилей. Кандидат от независимых сил, имеющий леволиберальные взгляды и затаивший серьезную обиду, запросто может отнять немало голосов левых радикалов как у Маски, так и у Хамфри, что сделает выдвижение любого из них кандидатом на пост президента от Демократической партии бессмысленным.

Никто, похоже, не знает, что на уме у Маккарти в этом году, но он представляет собой настоящую угрозу, и те, кто не воспринимал его всерьез, поняли свою ошибку на прошлой неделе, когда Маккарти предпринял атаку на Маски через несколько часов после того, как сенатор от штата Мэн официально объявил о своем выдвижении.

Washington Post напечатала на первой полосе под проникновенным заголовком фотографии их обоих, а также суровое предупреждение Маккарти, что он собирается возложить на Маски «ответственность» за его агрессивную позицию по войне во Вьетнаме, которой тот придерживался до 1968 года. Кроме того, Маккарти обвинил Маски в том, что тот был «самым активным проводником политики администрации Джонсона на съезде 1968 года».

Маски, казалось, был искренне потрясен этим нападением. Он немедленно созвал пресс-конференцию, на которой признал, что в прошлом был неправ по Вьетнаму, но теперь имеет «все основания изменить свое мнение». Объяснить его новую позицию было нелегко, но после признания «прошлых ошибок» он заявил, что теперь выступает «за как можно скорейший вывод войск из Вьетнама».

* * *

Маккарти лишь пожал плечами. Он уже сделал то, что хотел, и Маски получил свое. Сенатор сосредоточил усилия на своей изменившейся позиции по Вьетнаму, но, вероятно, гораздо больше его обеспокоила мстительная оценка Маккарти его роли на съезде Демократической партии в 1968-м. Видимо, это было главной костью в глотке Маккарти, однако Маски проигнорировал его выпад, и никто не спросил Джина, что он, собственно, имел в виду, высказывая это обвинение... Вероятно, потому, что невозможно понять, что случилось с Маккарти в Чикаго, если вы не были там и не видели этого собственными глазами.

Я никогда не читал ничего, что хотя бы близко объясняло, отчего я испытал на том съезде такое потрясение... И хотя я находился в самой гуще событий, я так и не сумел написать об этом сам. Даже спустя две недели, уже вернувшись в Колорадо, я не мог говорить об этом спокойно – по причинам,

которые я, думаю, наконец-то начал понимать, но до сих пор не могу внятно объяснить.

Но я-то отправился туда в качестве журналиста, не испытывая ни малейшей личной симпатии ни к кому из кандидатов и не питая иллюзий по поводу исхода... Я не был лично вовлечен во все происходящее, так что нечего и пытаться понять, как события в Чикаго должны были подействовать на Джина Маккарти.

Я помню, что видел, как он переходил Мичиган-авеню в четверг вечером через несколько часов после того, как Хамфри произнес свою речь, в которой согласился баллотироваться в президенты, а затем он бродил в толпе в Грант-парке, словно генерал побежденной армии, пытающийся смешаться со своим войском сразу после капитуляции. Но Маккарти не мог общаться с людьми. Он едва был в состоянии говорить. Он выглядел как глубоко потрясенный человек. Да и говорить было уже не о чем. Кампания завершилась.

С Маккарти было покончено. Он вышиб из гонки президента, а затем с головой ринулся в фантастическую шестимесячную кампанию, которая видела и убийства Мартина Лютера Кинга и Бобби Кеннеди, и нападение чикагской полиции по указанию мэра Дейли на сотрудников избирательного штаба Маккарти, когда та ворвалась на их собрание в чикагском «Хилтоне» и начала все крушить. На рассвете

в пятницу утром руководитель его кампании, опытный старый профессионал по имени Блэйр Кларк, все еще расхаживал по Мичиган-авеню у «Хилтона» в состоянии, близком к истерике, и даже его друзья боялись заговаривать с ним, потому что каждый раз, когда он пытался что-то сказать, глаза его наполнялись слезами и он начинал снова ходить взад-вперед.

Возможно, Маккарти и сумел облечь все произошедшее в слова, но даже если и так, я не читал этого... Или, быть может, он завис, работая над рукописью, потому что пока не может придумать правильный конец. Маккарти остро чувствует драматургию и умеет выбрать момент... Но никто, кажется, до сих пор не заметил, что в нем живет и жажда мести, разросшаяся до размеров быка...

А может, и нет. Такие, говоря языком классической журналистики, бессвязные, необоснованные предположения могут плохо подействовать на этого кретина из Ирландии, который через океан послал распоряжение привлечь меня к уголовной ответственности за сквернословие и отсутствие объективности. Многочисленные жалобы были обращены, по сути, к издателю, который позволил мне выйти сухим из воды после того, как я назвал нашего нового судью Верховного суда Уильяма Ренквиста «свиньей».

Ну... черт, что я могу сказать? Объективная журналисти-

ка – непростое дело в наше время. Мы все стремимся к ней, но кто может указать путь? Единственный человек, который сразу приходит на ум, – это мой хороший друг и коллега по спортивному отделу Рауль Дюк¹⁶. Большинство журналистов лишь говорят об объективности, и только Доктор Дюк хватается ее прямо за гребаную глотку. Среди профессионалов вряд ли кто-то решится оспаривать объективность Доктора Дюка.

Что же касается моей... Ну, мой врач говорит, что она распухла и лопнула лет десять назад. Нечто похожее на объективную журналистику я видел всего один раз – это была съемка скрытой камерой, которую поставили, чтобы отслеживать воришек в универсаме в Вуди Крик, Колорадо. Я всегда восхищался этой техникой, но мало кто обращал на нее внимание, пока в универсам не заглянул один из самых известных и отъявленных магазинных воров... Когда это произошло, все пришли в такое возбуждение, что вору ничего не оставалось, кроме как действовать стремительно – купить не то зеленый фруктовый лед, не то банку пива и немедленно свалить.

Вот вам и вся объективная журналистика. Не трудитесь искать ее здесь – в строках, написанных мною, или где-либо еще. Объективности нет нигде, за исключением разве фи-

---

¹⁶ Рауль Дюк – главный герой автобиографического романа Хантера Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе. Дикое путешествие в сердце американской мечты». Этот роман был первоначально издан под именем Рауля Дюка, и Томпсон периодически использовал этот псевдоним в своих статьях. – *Прим. ред.*

нального счета в боксе, результатов скачек и итогов торгов на фондовой бирже, и такого понятия, как объективная журналистика, попросту не существует. Сама эта фраза представляет собой напыщенное противоречие, оксюморон.

* * *

Ну и хватит об этом. Правда, было еще кое-что, о чем я хотел сказать, прежде чем махнуть на все рукой и заняться чем-то человеческим. Например, поспать или оттянуться под 550-ваттный сабвуфер в Ree-Lax Parlor в Силвер-Спринг. Некоторые люди считают, что сабвуферы надо запретить, но лично я с этим не согласен.

Между тем все эти злобные размышления о том, на что способен Маккарти, не помогают ответить на вопрос о «голосе молодых». Удивительно, но почти все, кому платят за то, чтобы они анализировали и прогнозировали поведение избирателей, похоже, считают, что это широко разрекламированный «голос» не станет решающим в президентской кампании 1972 года, и принять это было бы гораздо легче, если бы не цифры...

Судя по всему, эксперты уверены: внезапное появление 25 млн новых избирателей в возрасте от 18 до 25 лет не слишком-то повлияет на структуры власти. Ни один из *кандидатов* этого, разумеется, не скажет. Все они очень пекутся о «молодых избирателях». Ведь даже 10 процентов

этого блока будут означать 2,5 млн голосов, а это очень серьезный показатель, если сравнивать его с тем минимальным преимуществом, которое Никсон получил перед Хамфри в 1968 году.

Подумайте об этом: всего *10 процентов!* Два с половиной миллиона. Достаточно – даже согласно экспертам Никсона, – чтобы победить почти на *любых* выборах. Судя по результатам всех последних президентских выборов, нужна какая-то действительно веская причина, чтобы один из кандидатов от главных партий набрал меньше 40 процентов голосов. Конечно, Голдуотер¹⁷ умудрился сделать это в 1964-м, но и то его показатель был не намного ниже. При всем том, что телевизионные саперы Джонсона подорвали его репутацию, изобразив глупым, кровожадным упырем, который, стоит ему получить доступ к «ядерной кнопке», тут же сорвет земной шар с оси, Голдуотер все-таки получил 27 176 799 голосов, или 38 процентов.

Итак, общепризнанным сегодня считается то, что на стандартных двухпартийных выборах *любой* кандидат получает около 40 процентов голосов. В основе такой уверенности лежит предположение, что ни одна партия не выдвинет кандидатом в президенты человека, который более чем на 20 про-

---

¹⁷ Барри Голдуотер – кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1964 года. Проиграл со значительным отставанием представителю демократов Линдону Джонсону. – *Прим. ред.*

центов не совпадает с тем образом, который представляется большинству американцев приемлемым и правильным. Так почти всегда и бывает. Среди серьезных потенциальных кандидатов от крупных партий в этом году нет никого, кто не подошел бы на пост исполнительного вице-президента по ипотечным кредитам любого местного банка от Бангора до Сан-Диего.

Мы говорим здесь только об образе политика на время кампании, но, если вы позволите кандидатам трещать как сороки обо всем, что приходит им на ум, все равно даже такой опасный псих, как Сэм Йорти¹⁸, едва ли сумеет отпугнуть более 45 или 50 процентов электората.

И даже этому крайне леворадикальному ублюдку Джорджу Макговерну, бормочущему с ума сводящий длинный перечень своих наиболее выдающихся идей, было бы трудно облажаться до такой степени, чтобы потерять более 30 процентов избирателей.

По зрелом размышлении, это довольно неплохо. Даже Спино Агню – если вы поймаете его между многословными скучными речами – не отличается больше чем на 20 процентов от Хамфри, или Линдси, или Скупа Джексона¹⁹. Четыре года назад Джон Линдси настолько закопал Агню, что тот со-

---

¹⁸ Сэмюел «Сэм» Йорти – американский политик, с 1961 по 1973 год – мэр Лос-Анджелеса. – *Прим. ред.*

¹⁹ Генри «Скуп» Джексон – видный американский политик и законодатель, конгрессмен и сенатор от штата Вашингтон, кандидат в президенты от Демократической партии в 1972 и 1976 годах. – *Прим. ред.*

гласился на его выдвижение на пост вице-президента. Многие говорят, что о том случае пора забыть, потому что «Джон уже заявил, что совершил ошибку относительно Агню», но есть и много других – тех, кто воспринимает «ошибку с Агню» очень серьезно, потому что они предполагают, что Линдси проделает то же самое еще раз, на следующей неделе или в следующем месяце, если решит, что это принесет ему какую-то пользу.

Никто, кажется, пока не обеспокоен действиями Линдси. Все выжидают и собираются посмотреть, что он сумеет предпринять во Флориде, штате, где полным-полно временных и постоянных переселенцев из Нью-Йорка. Если он не сумеет ничего добиться там, с ним, считай, покончено. Что также неплохо. Но если он получит во Флориде много голосов, нам, вероятно, придется начать воспринимать его всерьез, особенно если Маски будет выглядеть убедительно в Нью-Гэмпшире.

Связка Маски – Линдси может стать выигрышной комбинацией, браком, заключенным на небесах и благословленным Ларри О'Брайеном... Что возвращает нас к одной из главных причин, по которой политические эксперты не очень-то рассчитывают в этом году на «молодых избирателей». Трудно представить себе, что даже такой фанатик, как Эллард Лоуэнштейн, снова вмешается в ход президентской кампании и попытается развести в студенческих кампусах пожар для Маски и Линдси... Особенно когда где-то

рядом прячется Джин Маккарти с этим его уродливым ртом и глубоко засевшими обидами.

Еще один кошмар, который нас, возможно, ждет, – это вероятность того, что Демократическая партия попытается выдвинуть своим кандидатом Хьюберта Хамфри. Наверное, в эти дни в штаб-квартире Хамфри ведутся интересные разговоры:

«Скажи-ка, Хьюб, малыш. Я думаю, ты слышал, что твой старый приятель Джин сделал на днях с Маски? Да, а мы ведь всегда Думали, что они были *друзьями*, не правда ли? (Долгая пауза, никакого ответа от кандидата...) Так что... Хьюб? Ты все еще на проводе? Господи боже! Где же эта лампа для загара? Мы должны организовать для тебя, малыш, возможность подзагореть. Ты выглядишь *серым*. (Долгая пауза, никакого ответа от кандидата...) Ну, Хьюб, мы можем тоже столкнуться с чем-то подобным. И мы хотим быстренько разрулить то, что может оказаться для тебя неприятной проблемой... Давай не будем пытаться обманывать себя, Хьюб, он действительно *настоящий* сукин сын. (Долгая пауза...) Тебе придется быть наготове, Хьюб. Ты же объявляешь о выдвижении в следующий четверг, да? Значит, нам надо выяснить, с чем этот псих собирается в тот же день на тебя обрушиться. Он, вероятно, организует что-нибудь в пресс-клубе – и мы знаем, кто там будет, да, Хьюб? Да, каждый убудок в этом бизнесе. Ты готов к этому, Хьюб, малыш?

Сможешь ли ты справиться с этим? (Долгая пауза, нет ответа, вздох.) Хорошо, Хьюб, скажи мне, что этот ублюдок знает? Назови самое худшее из того, что он может вылить на тебя».

Что же в самом деле? Неужели Маккарти просто поупражнялся на Эде Маски? Или он действительно верит в то, что Маски, а не Хамфри, был главным проводником политики Джонсона на съезде партии в 1968-м?

Разве такое возможно? Неужели Маски был тем, кто стоял за всем этим предательством и кровопролитием? Готов ли Маккарти разнести к чертовой матери весь это кагал? И чья голова ему на самом деле нужна? Как далеко он пойдет, чтобы получить ее? За какой ценой не постоит?

Это может быть единственным действительно интересным вопросом, пока 7 марта в Нью-Гэмпшире не просвистит большой свисток. Раз поблизости затаился Маккарти, Маски не может позволить себе на этих предварительных выборах ничего меньше зубодробительной победы над Макговерном. Однако Безумный Сэм тоже будет там, и после того, как он заключил странный союз с неонацистским издателем единственной крупной газеты Нью-Гэмпшира *Manchester Union-Leader*, даже местные помощники Маски проигрывают Йорти по крайней мере 15 процентов голосов демократов.

Мэр Лос-Анджелеса так и не потрудился объяснить, почему он решил выдвинуть свою кандидатуру в Нью-Гэмпши-

ре, но каждый голос, который он там получит, будет отобран не у Макговерна, а у Маски. А это значит, что Макговерн, который уже имеет 20–25 процентов голосов, мог бы покончить с Маски, если бы сумел в последнюю минуту подняться еще на 10–15 процентов.

По сентябрьским подсчетам, Маски оказался в лидерах с примерно 40 процентами голосов, но ему понадобится не менее 50 процентов, чтобы хорошо выглядеть в глазах нейтральных избирателей во Флориде, которые пойдут голосовать спустя неделю... И во Флориде Маски предстоит затмить звездную харизму Джона Линдси, более или менее представляющего левых, а также противостоять Скупу Джексону, Хьюберту Хамфри и Джорджу Уоллесу от правых.

* * *

Господи! Эта бредятина может тянуться вечно, и я уже вижу, как попадаю в старую ловушку, которая подстерегает каждого, кто оказывается втянут в этот гнилой бизнес. Ты вдруг обнаруживаешь, что подпал под очарование этой странной игры. Уже сейчас, даже не закончив статью, я чувствую побуждение поставить на политиков и предварительные выборы, словно это просто очередное большое футбольное воскресенье: берешь «Питтсбург» с разницей шесть очков в самой первой игре, потом ставишь на «Даллас» с «Сан-Франциско»... Выигрываешь одну ставку, про-

игрываешь другую... А затем пытаешься прорваться, одурачив кого-то и убедив его поставить на «Грин Бэй» против «Редскинз».

После нескольких таких недель тебе уже плевать с высокой колокольни, кто выигрывает: единственное, что имеет смысл, – это разница в счете. Ты ловишь себя на том, что безумно тарачишься на экран, умоляя кого-то вырвать легкие из того ублюдка, который только что бросил перехват, а затем даже *не попытался* заблокировать свинью, которая побежала с мячом обратно, чтобы набрать шесть очков, покрывающих разницу.

Во всем этом есть что-то извращенное и порочное. Но тебе становится все труднее убедить себя в том, что для тебя есть какая-то разница, проиграют «49-е»²⁰ или выиграют... Хотя иногда возникают ситуации, когда ты ловишь себя на мысли, что на самом деле *желаешь*, чтобы какую-то команду буквально размазали...

Это случилось со мной в последнее воскресенье регулярного сезона НФЛ, когда два пьяных в хлам спортивных журналиста из *Alexandria Gazette* заставили охрану выгнать меня из ложи прессы на стадионе имени Роберта Кеннеди в Вашингтоне. Я присутствовал там в качестве специального гостя Дэйва Барджина, спортивного редактора *Washington Star*,

---

²⁰ «49-е» – «Сан-Франциско Форти Найнерс», профессиональный футбольный клуб, входящий в состав НФЛ. – *Прим. ред.*

но, когда Барджин попытался прекратить эту безобразную сцену, они вышвырнули и его тоже.

Мы уже были на полпути вниз на парковочную стоянку, когда я сообразил, что именно произошло.

– Этот провонявший джином маленький нацист из *Gazette* разозлился, когда ты не снял шляпу во время исполнения национального гимна, – объяснил Барджин. – Он пособачился из-за тебя с парнем, отвечающим за ложу прессы, потом вызвал того кретина, который на него работает, и начал говорить, что тебя надо арестовать.

– Господи, вот дерьмо! – пробормотал я. – Теперь я понимаю, почему ушел из спортивной журналистики. Боже, да я понятия не имел, что происходит. Тебе надо было сказать мне раньше.

– Я боялся, что ты начнешь буйствовать, – ответил он. – У нас были бы большие неприятности. Эти парни из таких газет, как *Norfolk Ledger* и *Army-Navy Times*, замочили бы нас, как крыс в сортире.

Этого я понять не мог.

– Черт, да я бы снял эту проклятую шляпу, если бы знал, что это вызовет такие проблемы. Я едва *помню* национальный гимн. Обычно я даже не встаю.

– Я и не думал, что ты собирался встать, – сказал он. – Я не хотел ничего говорить, но уже понял, что дело кончится плохо.

– Но я *ведь встал!* – возразил я. – Я решил, черт, я же

гость Дэйва – так почему бы не постоять и не облегчить ему этим жизнь? Но я даже не подумал о чертовой шляпе!

На самом деле я был счастлив, что убрался оттуда. «Редскинз» проигрывали, что мне очень понравилось, и нас выгнали как раз вовремя, чтобы вернуться к Барджину домой и посмотреть по телевизору игру «49-х». В случае выигрыша они должны были в следующее воскресенье схлестнуться с «Редскинз» в плей-офф – и к концу третьей четверти я вогнал себя в состояние подлинной безумной ненависти и был как мясник, когда «49-е» в последний момент вытащили игру, совершив серию отчаянных маневров. Когда прозвучал финальный свисток, я уже говорил по телефону с TWA, заказывая себе место на спецрейс в рождественскую ночь в Сан-Франциско. Я чувствовал, что это очень важно – отправиться туда и своими глазами увидеть, как из «Редскинз» выбьют всю требуху.

Это сработало. Мало того, что «49-е» растоптали этих патриотичных ублюдков и выбили их из плей-офф, так еще во время полета из Вашингтона в Сан-Франциско моим соседом оказался Эдвард Уильямс, легендарный адвокат по уголовным делам, а по совместительству президент «Вашингтон Редскинз».

– Трудная игра ждет ваших ребят завтра, – предупредил я его. – Приготовьтесь к серьезной битве. Ничего личного, как вы понимаете. Эти бедные ублюдки даже не представля-

ли себе, что они наделали, когда вышибли из ложи прессы Доктора журналистики.

Он кивнул и попросил еще один виски с содовой.

– Это чертов позор, – пробормотал он. – Но чего вы ждали? Раз вы якшаетесь со свиньями, вас будут каждый раз называть скотиной.

– Что? Вы назвали меня *скотиной*?

– Не я, – сказал он. – Но в этом мире полно клеветников.

Оставшуюся часть полета мы провели, споря о политике. Он ставит на Маски, и, пока он говорил, у меня возникло ощущение, что он думает, будто уже оказался в той точке, где рано или поздно будем мы все.

– Эд – хороший человек, – сказал он, – честный. Я уважаю этого парня.

Тут он два или три раза стукнул по подлокотнику сиденья, разделявшему нас, указательным пальцем.

– Но *главная* причина, по которой я работаю на него, – продолжил он, – то, что он единственный, кто может победить Никсона. – Уильямс снова постучал пальцем. – Если Никсон опять победит, это будет настоящая беда. – Он взял свой стакан, затем увидел, что тот пуст, и поставил его на место. – Но на этот раз это действительно проблема, – сказал он, – победить Никсона. Трудно даже представить, сколько вреда нанесут эти ублюдки, если пройдут еще на четыре года²¹.

---

²¹ Как выяснилось, еще одним отчаянным фанатом «Редскинз» в том году был

Я кивнул. Нечто подобное я уже слышал. Я даже сам так думал, но теперь в таком подходе мне все больше виделось что-то порочное. Как много еще этих чертовых выборов мы собираемся записать в явно увечные, но «к сожалению, необходимые»? И через сколько еще таких убогих аттракционов нам предстоит пройти, прежде чем мы наберемся смелости провести национальные выборы, на которых у меня и по крайней мере еще у 20 млн человек будет шанс проголосовать за что-то реальное, а не встать в очередной раз перед уже знакомым, навязшим в зубах выбором меньшего из двух зол?

К тому моменту я уже прошел через трое президентских выборов, но минуло 12 лет с той поры, когда я мог заглянуть в бюллетень и увидеть там имя, за которое я хотел бы отдать свой голос. В 1964 году я отказался голосовать вообще,

---

Ричард Никсон, несмотря на его политические разногласия с руководством команды. Его непрошенный совет тренеру Джорджу Аллену привел к катастрофическому перехвату, покончившему с последними надеждами «Редскинз» на казавшуюся такой близкой победу в плей-офф 1971 года. Они проиграли – матч завершился со счетом 24:20. Две недели спустя Никсон объявил, что ставит на «Майами» против «Далласа» в Суперкубке. На этот раз он даже присутствовал на игре, которая в очередной раз закончилась катастрофическим поражением. «Майами» проиграли 24:3. Сглаз Никсона продолжал преследовать «Редскинз» на Суперкубке 1973 года, несмотря на широко цитируемое заявление квотербека Билла Килмера, что на этот раз он предпочел бы обойтись без тактических советов президента. На этот раз «Редскинз» поначалу вели в счете, выигрывая у «Долфинс» три очка, но, поскольку на их стороне был Никсон, команду в буквальном смысле смело со стадиона, и они завершили игру довольно болезненным поражением со счетом 14:7.

а в 1968-м провел половину утра в здании окружного суда, уклонившись от участия в выборах, на которых собирался голосовать назло всем за Дика Григори.

Теперь, в преддверии очередной фиктивной крупной разборки, перспектива которой маячит перед нами, я уже чувствую зловоние очередного облома. Как и многие другие, я понимаю, что главная задача в этом году – победить Никсона. Но, как я помню, это же было самым главным и 12 лет назад, в 1960 году, и, насколько я могу судить, с тех пор мы проделали путь от плохого к еще худшему, дошли до совсем уж гнилого, и перспективы у нас все те же.

Даже Джеймс Рестон²², этот воинствующий кальвинист, не говорит, что видит в 1972-м свет в конце тоннеля. Первый большой выстрел года по Рестону – это зловещий «меморандум», написанный бывшим стратегом Джона Кеннеди Фредом Даттоном, который сейчас работает адвокатом в Вашингтоне.

Если верить Рестону / Даттону, проблески надежды есть, но не в ближайшие четыре года. Вот их вывод: «Выборы 1972 года, вероятно, обречены остаться в истории как морально устаревшие, своего рода раритет, принадлежащий скорее прошлому, чем будущему с его новой тенденцией трех- или четырехпартийности».

---

²² Джеймс Рестон – американский журналист. Многие годы работал в *New York Times*. – Прим. ред.

По каким-то причинам Рестон то ли проигнорировал, то ли не заметил того, что Джин Маккарти, похоже, и есть предвестник той самой «независимой третьей силы в американской политике», которую и Рестон, и Даттон видят главной тенденцией будущего.

Еще хуже то, что Рестон отказывает в каких-либо перспективах Эду Маски, единственному человеку, по мнению Эдварда Уильямса, в чьих силах спасти нас от еще нескольких лет правления Никсона. И как будто на бедного Маски вылили еще недостаточно дерьма, в высшей степени разумный и прекрасный старый либеральный журнал *Washington Post* назвал его официальную речь на тему «новое начало / я теперь кандидат», показанную по национальному телевидению, бессмысленным перепевом старой чепухи и несвежих клише, позаимствованных из прежних выступлений... да... Ричарда Никсона собственной персоной.

Другими словами, почитав такие толковые издания, как *New York Times* и *Washington Post*, понимаешь, что нас всех, похоже, поимели. Маски – настоящий тупица, крадущий свои лучшие строки из старых речей Никсона. Макговерн обречен, потому что все, кто знает его, испытывают к нему такое уважение, что не могут заставить себя унижить бедного ублюдка, толкнув его баллотироваться на пост президента... Джон Линдси – кретин, Джин Маккарти – безумец, Хамфри обречен и бесполезен, Джексон должен был бы оставаться в постели... Ну, вот почти и весь расклад на бу-

дущее, верно?

Не вполне, но я чувствую приближение страха, и единственное лекарство от него – это жевать толстый черный кусок убийственного опиума размером с небольшую фрикадельку, а затем вызвать такси и рвануть в этот рассадник кинотеатров для взрослых – на 14-ю улицу... Удолбайте свой мозг – пусть им завладеет опиум – и погрузитесь в жесткое порно.

Что касается политики, то я думаю, что Арт Бухвальд²³ уже сказал все в прошлом месяце в своем «Письме поклонника Никсону»: «Я всегда хотел попасть в политику, но никогда не был достаточно сообразительным, чтобы собрать команду».

---

²³ Арт Бухвальд – американский журналист и писатель-сатирик, колумнист *The Washington Post*, лауреат Пулитцеровской премии. – *Прим. ред.*

Февраль

*Страх и отвращение в Нью-Гэмпшире...
Предвыборная поездка в Манчестер, Кин
и на рыбоводный завод Бута... Гарольд Хьюз –
ваш друг... Странные воспоминания о 1968-
м: частная беседа с Ричардом Никсоном...
Осудят ли «Ковбоя» за «дурь»?.. Первый серьезный
вывод относительно Джорджа Макговерна...
Слабая надежда на удар молота и ни малейшей
надежды на кудесников прессы...*

Незадолго до полуночи я покинул Кембридж и направился на север по 93-й магистрали в Манчестер, сидя за рулем взятого напрокат большого зеленого «ягуара» с автоматической коробкой передач – одного из тех, что накрываются уже через 29 секунд поездки и извергают черные выхлопы на протяжении всего пути на первой или второй передаче... Жуткий скрежет тормозов на окраине Бостона в направлении на Нью-Гэмпшир, предвыборная поездка... Я, как обычно, опаздываю: левая рука на руле, правая – на ручке радиоприемника, ищет музыку, а из стакана на каждом повороте мне на штаны выплескивается виски.

Сегодня ночью почти не видно луны, но небо полно звезд. Снаружи подморозило, на дороге лед, а на холмах лежит снег... Я несусь вперед на скорости 120–130 км/ч сквозь

пейзаж, состоящий из застывших голых деревьев и каменных изгородей. Шоссе пусто, и в придорожных фермах ни огонька. Люди в Новой Англии ложатся спать рано.

Четыре года назад я мчался по этой дороге на другой машине, «меркури», но тогда за рулем большого желтого седана был не я, а полицейский, одетый в штатское. Рядом с полицейским сидели двое лучших спичрайтеров Никсона: Рэй Прайс и Пат Бьюкенен. А сзади разместились двое: я и Ричард Никсон, и мы самым серьезным образом обсуждали футбол. Было уже поздно – тогда тоже была почти полночь, – и полицейский удерживал большой «мерк» на скорости 105 км/ч, пока мы неслись по шоссе, держа путь из небольшого городка где-то рядом с Нашуа, где Никсон только что выступил с речью в зале Американского легиона, в аэропорт Манчестера, где кандидата в президенты и его «мозговой трест»²⁴ ждал самолет «Лир Джет», чтобы перебросить в Ки-Бискейн, где должно было пройти совещание.

Это была очень странная поездка – и, вероятно, одна из самых странных вещей, которые я когда-либо делал, – но особенно странным было то, что Никсон и я получали от нее удовольствие. У нас состоялся хороший разговор, и, когда мы добрались до аэропорта, я стоял рядом с Диком и остальными у «Лир Джета», очень расслабленно беседуя

---

²⁴ Термин употребляется в отношении группы экспертов, тесно сотрудничающих, как правило, в неофициальном качестве, с тем или иным политическим деятелем, кандидатом на политический пост, президентом страны или администрацией. – *Прим. ред.*

о том, насколько успешно прошло его турне по Нью-Гэмпширу... А когда он поднимался в самолет, показалось естественным поблагодарить его за поездку и пожать друг другу руки...

Но вдруг меня кто-то схватил сзади и отшвырнул от самолета. «Господи боже, – подумал я, отлетая назад, – Вот мы и приплыли»... «Берегись! – крикнул кто-то. – Хватайте сигарету!» Показавшаяся из темноты рука вырвала сигарету из моего рта, а другие руки удержали меня от падения, и я узнал голос Ника Руэ, главного доверенного человека Никсона в Нью-Гэмпшире, кричащего: «Черт возьми, твою мать, Хантер, ты чуть не взорвал самолет!»

Меня передернуло. Он был прав. Я стоял над топливным баком с горящим бычком во рту. Никсон улыбнулся и протянул руку, чтобы снова обменяться рукопожатием, в то время как Руэ что-то мрачно пробормотал, а остальные уставились в асфальт.

Самолет взлетел, и я поехал обратно в гостиницу «Холлидей Инн» с Ником Руэ. Мы посмеялись по поводу происшествия с сигаретой, но он по-прежнему пребывал в задумчивости.

– Что беспокоит меня, – заявил он, – так это то, что никто этого не заметил. Господи, ведь этим ребятам платят за то, чтобы они *защищали* босса...

– Хреново, – заметил я, – особенно если вспомнить, что я выкурил штуки три «Мальборо», пока мы там стояли. Черт,

да я бросал окурки и прикуривал снова... Вам, люди, повезло, что я нахожусь в здравом уме и что я ответственный журналист, а то я мог бы швырнуть мою горящую «Зиппо» в топливный бак.

– Только не ты, – сказал он. – Эгоманьяки так не делают. – Он улыбнулся. – Ты же не можешь сделать ничего такого, о чем потом не сможешь написать, потому что погибнешь, ведь так?

– Возможно, ты прав, – ответил я. – Камикадзе – это не мой стиль. Я предпочитаю более сдержанный подход, потому что, в конце концов, я профессионал.

– Мы знаем. Поэтому ты и здесь.

На самом деле причина была иной: я оказался в тот вечер единственным в корпусе прессы, кто так же любил профессиональный футбол, как Никсон. Правда, впридачу к этому я был единственным искренним, открыто принадлежащим к неприятельскому лагерю противником войны; единственным, кто был одет в старые «левисы» и лыжную куртку, единственным (хотя нет, был еще *один*), кто курил травку в большом автобусе для прессы, и, уж конечно, единственным, кто считал кандидата в президенты болваном.

Так что надо отдать должное ублюдку за то, что у него есть яйца и он набрался смелости и остановил свой выбор *на мне* – среди 15 или 20 скучных и правильных типов из прессы, которые около двух или трех недель молили его

хотя бы о пятиминутном интервью – как на человеке, который должен будет составить ему компанию на заднем сиденье машины во время его финальной поездки по Нью-Гэмпширу.

Но был, конечно, один подвох. Я вынужден был согласиться не говорить *ни о чем, кроме футбола*.

– Мы хотим, чтобы шеф расслабился, – сказал мне Рэй Прайс, – но он не сможет расслабиться, если вы начнете орать о Вьетнаме, расовых беспорядках или наркотиках. Он хочет поехать с кем-то, с кем можно поговорить *о футболе*.

Прайс бросил мрачный взгляд на дюжину или около того репортеров, ожидающих посадки на автобус для прессы, затем печально покачал головой:

– Я проверил всех, – сказал он. – Однако остальные безнадежны, поэтому я полагаю, что вы именно тот, кто нам нужен.

– Замечательно, – сказал я. – Давайте так и сделаем.

Мы хорошо провели время. Я наслаждался этой беседой, что немного вывело меня из равновесия, потому что я полагал, что Никсон знает о футболе не больше, чем об окончании войны во Вьетнаме. Он много раз упоминал «пробежку по краю»²⁵ и «силовую поддержку»²⁶ во время своей агитаци-

---

²⁵ Обманный маневр в американском футболе, при котором игрок с мячом обходит крайнего линии защиты. – *Прим. ред.*

²⁶ В американском футболе поддержка игрока с мячом, совершающего про-

онной поездки, но мне никогда не приходило в голову, что он на самом деле *знает* о футболе гораздо больше, чем о «Грэйтфул Дэд».

Но я ошибался. Что бы ни было еще сказано о Никсоне – а у меня есть серьезные сомнения относительно того, можно ли вообще считать его человеком, – он чертов упертый фанат профессионального футбола. В какой-то момент я упомянул в нашем разговоре нокаутирующий пас – в последние секунды розыгрыша Суперкубка 1967 года во время матча между «Грин Бэй» и «Оклендом», совершенно не подходившими друг другу по стилю игры, – малоизвестному запасному принимающему «Окленда» по имени Билл Миллер, который запомнился мне своей меткостью.

Никсон на мгновение задумался, а потом хлопнул меня по бедру и засмеялся: «Точно! Тот мальчик из Майами!»

Я был ошеломлен. Он не только вспомнил саму игру, но и знал, где Миллер играл в колледже.

Это было четыре года назад. Нашим президентом был Линдон Джонсон, и тогда, зимой 1968-го, не было и намека на то, что впоследствии произошло. Джонсон казался столь же неуязвимым, каким кажется сегодня Никсон... И меня немного нервирует воспоминание о том, что Ричард Никсон в тот момент имел, казалось, примерно столько же

бежку по краю, одним или несколькими игроками той же команды, чтобы не позволить игрокам команды-соперника остановить его. – *Прим. ред.*

шансов быть избранным в Белый дом, сколько, судя по всему, имеет сейчас, в феврале 1972-го, Хьюберт Хамфри.

Когда Никсон отправился в Нью-Гэмпшир, профессионалы воспринимали его как просто еще одного из этих упрямых имбецилов из правого крыла, которым нечем больше заняться. Опросы показывали, что он уверенно опережает Джорджа Ромни, но, по мнению большинства представителей прессы, которые шатались в то время вокруг Манчестера, гонка Никсон – Ромни была только разминкой, которая закончится сразу же, как только на сцене появится Нельсон Рокфеллер, чтобы разделаться с ними обоими. Бар в гостинице «Вэйфеарер Мотор Инн» был своего рода неофициальной штаб-квартирой прессы, где пишущий народ зависал в нервном ожидании, когда Рокфеллер объявит о своем движении, что, как было сказано, могло «произойти в любой момент».

Так что я не слишком перевозбудился, получив приглашение провести час наедине с Ричардом Никсоном. В конце концов, он был Прирожденным Неудачником, и даже если каким-то образом ему удалось бы выдвинуться на пост президента от Республиканской партии, я полагал, что у него не было ни малейшего шанса победить на выборах Линдона Джонсона.

Как и все остальные в том году, я грешил тем, что воспринимал кампанию Маккарти как заведомо обреченное на провал упражнение в тщетном благородстве. Мы много гово-

рили об этом – не только в баре «Вэйфеарер», но и в баре «Холидэй Инн», где остановился Никсон, – и заключение прессы было таково, что единственным республиканцем, который мог победить Джонсона, был Нельсон Рокфеллер... А единственным другим потенциальным победителем был Бобби Кеннеди, который уже четко дал понять – как публично, так и в частном порядке, – что он определенно *не* собирается выдвигаться на пост президента в 1968 году.

Я вспоминал все это, когда снова мчался на большом зеленом «ягуаре» по 93-й магистрали четыре года спустя, чтобы освещать еще одни из этих чудных предварительных выборов в Нью-Гэмпшире. Электорат в этом штате, как известно, порочен и непредсказуем. Например, в 1964-м именно грандиозная победа на предварительных выборах в Нью-Гэмпшире позволила паровому катку Генри Лоджа начать бурный старт... А в 1968-м Джин Маккарти проснулся утром в день выборов и прочитал в газетах о том, что опросы последней минуты почти единодушно давали ему от шести до восьми процентов голосов... И, я думаю, даже он был ошеломлен, когда, проснувшись 24 часа спустя, узнал, что финишировал с 42 процентами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.